

Прежде чем ругать темноту,
надо зажечь свою свечку.

/ Даниил Гранин/

Поздним вечером я возвращалась домой от подруги и мысленно ругала себя: какого черта засиделась в гостях до полуночи! Я не чемпион по восточным единоборствам, который никого не боится, я слабая девушка, которая..., пусть и не пуганая ворона, но куста боится. Да, я трусиха, но стараюсь не выказывать на людях свою трусость, храбрюсь, но не всегда. Сейчас у меня от страха дрожат коленки и зубы стучат. Вероятно, зубы стучат от холода. Опять храбрюсь. Ага, от холода! Боюсь я темноты, и маньяков боюсь.

- Вот же ты, Вика, дурында стоеросовая, - «любовно» обратилась я к себе, пробубнив фразу вслух. Сама испугалась своего голоса, пусть и тихого, полупшепота, и завертела головой. Будто бы никого. Будто бы слегка успокоилась.

Ну, чего было засиживаться допоздна?! С Ленкой, моей подругой, всегда так: пока всё не обсудим, не обговорим - не разойдемся. Тем более, давно не виделись – чуть больше недели. Это срок!

Тем для обсуждения накопилось много. Главной темой была беременность моей подруги Ленки. Надо признать, новость оказалась сенсационной. Ленка всегда утверждала, что замуж никогда не выйдет, и детей у нее никогда не будет. Впервые ее заявление я услышала в первом классе общеобразовательной школы, и выслушивала его миллион раз.

Причина ненавидеть мужчин и семейные узы возникла у Ленки не на пустом месте, причиной был ее «дорогой» папаша, не пример для подражания, но не единичный экземпляр. Папашка отбил у дочери естественное желание любой женщины менять свой статус и рожать детей. Ленка почему-то причисляла себя к ракам, хотя по гороскопу была близнецом, и постоянно повторяла: «Мы, раки, не сторонники браков!» По малолетству я не понимала, стеснялась ее спросить, чтобы не сразить наповал своей необразованностью. Глупышкой никогда себя не считала, потому что сколько себя помню читала заумные книжки, в основном энциклопедии, коих у нас дома было в избытке. Напичкалась энциклопедическими знаниями, а элементарно-детские упустила. А надо было читать сказки, или внимательно слушать чтение родителей. Так нет же, я только делала вид, что слушаю, на

самом деле, скучала, думала о своем и мечтала о том, когда чтение вслух закончится и я могу, как взрослая, взять в руки толстую книжку... А если бы слушала чтение вслух, то знала бы, что фразу «о раках против браков» Ленка позаимствовала из «Дюймовочки». Позднее, уже в школе, я увлеклась чтением сказок, чем разочаровала родителей, считавших меня вундеркиндом. И в куклы я начала играть в младших классах школы.

Вспомнив о куклах, я вновь вернулась к беременной Ленке, которая скоро родит свою куколку или кукленка.

Конечно можно и без смены статуса рожать детей, эка невидаль – рожать детей вне брака, но Ленка всегда ставила упор на браке, о детях как-то добавляла вскользь, без фанатичной непримиримости. Но я мало обращала внимания на разницу в интонациях. В споры не вступала, потому что верила – это всего лишь слова. Вот придет время и...

Время шло, ускоряя темп по мере взросления. И почему в детстве дни такие длинные, а когда тебе под тридцатник, то дни пролетают со скоростью космической ракеты?! Что же будет дальше?

Мда... Скоро тридцать, а у нас с Ленкой ни мужей, ни детей. Так я думала еще до разговора с подружкой.

Ленка придержала новость до вечера. Позвонила мне днем на работу и требовательным голосом произнесла:

- Вика, мне надо с тобой кое-что обсудить. Жду тебя в семь у себя дома.

- Я буду... - пролепетала я в ответ, но Ленке мое обещание было до лампочки: сказано, чтоб была в семь, значит, должна быть в семь. И кому какое дело, что у Вики могут быть свои дела!

Так было всегда: троюбница Ленка управляла отличницей Викторией. А я подчинялась. Из жалости. У меня были хорошие и заботливые родители, у Ленки – отец-пьянчужка и отстраненная мать, вечно пропадающая на работе. Мать Ленки старалась реже появляться дома, чтобы не попадать под раздачу вечно недовольного мужа-пьяницы, а до Ленки, единственной дочери, ей было мало дела. Наварит борща на неделю и успокоится.

Не скажу, что отец сильно Ленку обижал, больше жаловался на ее непутевую мать, свою жену, награждая преданную работе женщину красочными эпитетами. Ленка вступалась за мать, но чаще убегала из дома. Бродила по улицам или приходила ко мне. Иногда оставалась у меня ночевать, но редко: боялась оставлять отца одного.

В одну из ночевок Ленки вне дома, ее папаша задохнулся дымом – сигарета выпала изо рта, постель начала тлеть, и умер от удушья. Мамаша быстро выскочила замуж за водителя-экспедитора швейной мастерской. Сама она работала там же швеей. После росписи в загсе мать Ленки перебралась к новому мужу, по-прежнему не радовала дочь своими визитами, по-прежнему варила ей борщ на неделю, посчитав свою родительскую миссию выполненной. Ленке в ту пору шел четырнадцатый год.

Оставшись полноправной хозяйкой в квартире, вмиг повзрослевшая Елена Васькина с моей помощью выбросила весь хлам, выдраила двухкомнатную жилплощадь, кое-как ее приукрасила, и зажила самостоятельной жизнью. Другая бы пустилась во все тяжкие – все-таки переходный возраст, но не Ленка...

После работы я купила торт и бутылку вина и отправилась к Васькиной. Она открыла мне дверь с таким видом, будто я приперлась к ней без приглашения в тот самый момент, когда ее молодой человек собрался выдавить из себя долгожданное признание со всеми вытекающими последствиями.

Дело плохо, - подумала я, переступив порог негостеприимного дома и всучив Ленке вино и торт.

- Я пить не буду, - сразу предупредила меня подруга и добавила менее уверенно, - и торт есть не буду.

- Надо было прихватить банку с солеными огурцами, - съязвила я, как оказалась, попав в точку.

- Откуда ты знаешь? Я сама только днем узнала, потом тебе позвонила...

- Что я узнала? – делая значительные паузы, спросила я и на всякий случай поискала глазами стул, чтобы присесть на него, а не рухнуть ниц от сногшибательной новости.

- То и узнала, - обреченно вздохнула Елена Васькина, пряча глаза.

Я брякнула совсем не то, что поначалу хотела сказать, уточнить для проформы.

- Я думала, ты рассталась... с этим... как его... - запуталась я в многочисленных кавалерах подруги.

- С Виталиком, - услужливо подсказала Ленка.

- С Виталиком, - кивнула я. – Рассталась с ним и хочешь поплакаться мне в жилетку.
- Вот еще! – воинственно заявила подруга, встав в позу сахарницы. - Больно нужно обсуждать с тобой этого олуха! Сто лет он мне сдался!
- А... ребенок... от кого? – дрожащим от волнения голосом поинтересовалась я.
- От Виталика! От кого же еще! – возмутилась Ленка. – Сейчас я с Виталиком встречаюсь... Встречалась...
- Вы расстались? – удивленно вскинула я брови. – Этот гад узнал о ребенке и...
- И ничего не «и», - не дала мне договорить Лена. Я ему вообще не сказала о ребенке. Мы с ним вчера вдрызг разругались. Навсегда. И не надо мне говорить всякую чушь типа – ребенок должен расти в полной семье, у ребенка должен быть отец!
- Должен! И чем тебя не устраивает Виталик в качестве твоего мужа и отца твоего ребенка? Виталик очень хороший.
- Чем же он хороший?!
- Всем! Он не пьет, не курит, спортом занимается, прилично зарабатывает. И пусть он не министр, а всего лишь водитель автобуса, но не место красит человека, а человек место. Ты, тоже скажем, не депутат законодательного собрания, а мастер маникюра. Хороший мастер.
- Вика, причем здесь место, причем здесь хороший, причем здесь зарплата! Я его не люблю!.. Думала, что люблю, но ошибалась, - неуверенно пробормотала подруга, вселив в меня сомнения касательно своего заявления.
- Еще неделю назад ты сходила с ума по своему Виталику, - напомнила я, - и что же случилось вчера? Чем он тебя обидел?
- Достал он своей ревностью! Ревнует меня к каждому телеграфному столбу!
- На то у него есть причины.
- Вика, ты в своем уме?! Я никогда не кручу любовь с двумя сразу, и тебе это хорошо известно. Когда разочаровываюсь в поклоннике, сначала отхожу от предыдущих отношений, и только потом... готова к новым отношениям.
- А старые отношения... хм... держу в уме, на всякий случай.

- Да, я поддерживаю с прежними поклонниками... дружеские отношения, не более того. Мы по телефону общаемся...

- Ага, по телефону, - хмыкнула я. - И бегут они к тебе припрыжку по первому твоему зову – прибить, починить, приклеить. Да, с рукастыми кавалерами тебе, Ленка, всегда везло.

- А тебе с ботаниками.

- Не надо говорить о моих кавалерах во множественном числе. У меня и было... один... еще в универе.

- И того кавалера твоя маман выставила за дверь, потому что он «половая тряпка», и ее дочери он не подходит.

- Да, он был бесхарактерным, это правда. Мама поняла это раньше меня.

- Я, конечно, очень уважаю Веру Игнатьевну, но негоже матери лезть в личную жизнь взрослой дочери. Сходила бы ты, Вика, замуж за своего ботаника, а там было бы видно: или жили бы душа в душу или разбежались бы через месяц после свадьбы. Все-таки, какой-никакой, а опыт семейной жизни...

Я не люблю вспоминать свои отношения с бесхарактерным ботаником, поэтому вернула подругу к обсуждению главной новости дня. Естественно, не забыли о ревнивом Виталике, заспорили – надо ему знать о ребенке или не надо, но так не пришли к консенсусу. Я не настаивала на своем мнении – обязан знать, а все потому, что беременных нервировать нельзя. Да и спорить с Ленкой бессмысленно, таких упертых еще поискать. Потом начали вспоминать рассказы знакомых молодых мамочек о родах... Так засиделись до полуночи.

Ленка уговаривала осталась у нее ночевать, но я наотрез отказалась, предпочитала спать в своей кровати. Тогда Ленка решила вызвать для меня такси, я лишь посмеялась – пешим ходом, не спринтерским бегом, до моего дома не более пятнадцати минут, спрашивается, кто согласится меня везти «за тридевять земель»?! Потом обеспокоенная подруга предложила себя в качестве провожатой, я лишь отмахнулась, расцеловалась с ней и поспешила домой.

По дороге к дому все и началось.

Город мирно спал в эту влажную ноябрьскую ночь. Темно-ужасное небо лежало на земле и грозило меня раздавить. Редкие уличные фонари с

размытым светом плохо освещали мой путь, поэтому мне приходилось постоянно присматриваться, чтобы ненароком не угодить в лужу.

Я не поняла, когда появился человек-преследователь, потому что была сосредоточена на «минном поле». Запоздало услышала его шаги где-то на половине пути к своему дому. Человек угодил ногой в лужу, чертыхнулся и осекся, будто испугался, что чертыханием выдаст свое присутствие. Именно внезапная тишина, повисшая после прерванного вскрика, испугала меня больше всего. Если бы человек продолжал идти в прежнем темпе, добавил еще пару «ласковых», я бы ничего плохого не подумала, кроме того, что этот человек возвращается домой с работы или от друзей. И точно не ищет приключений.

Мне очень хотелось ускорить шаг, а еще лучше – побежать. Но я взяла себя в руки и продолжила ходьбу в прежнем темпе. Хотелось оглянуться, но я не оглядывалась. Хотела позвонить Ленке и услышать ее голос. Сказать ей что-то «домашнее», самоуспокоительное. Но чтобы позвонить, надо замедлить ход, или вообще остановиться, выудить из недр сумочки мобильный телефон...

Что-то не слышно шагов. Может быть, мне почудилось? Нет, не почудилось, сзади явно кто-то идет, а до этого нырнул ногой в лужу и возмущился.... Теперь затаился. Где же он? Не утонул же в луже, в самом деле!

Кажется, я его слышу. Шаркает. Это одинокий старик. У него бессонница, он вышел на прогулку. Без собаки. Один. Если бы была собака, я бы ее услышала.

Я проделала дыхательную гимнастику для успокоения. Гимнастика больше походила на дыхание загнанной лошади. Не отдавая себе отчета, я все же ускорила шаг, страх подгонял.

Как назло, на улице ни одной живой души, не считая любителя ночных приключений, следующего за мной по пятам.

Да, мой дом находится недалеко от дома подруги. Всего-то пятнадцать минут хода, если трусить через сквер. Но по ночам через сквер ходят только любители острых ощущений, я к подобным индивидам не отношусь. Поэтому вдвинулась в обход, и идти мне безопасным путем минут двадцать пять. Васькина этого обстоятельства не учла, а то бы настояла на вызове такси. На такси дорога еще длиннее, потому как на такси по тротуарам и скверам к моему дому не доберешься.

Окна домов не светятся, все нормальные люди мирно почивают в своих постелях, одна я... и маньяк шастает по улицам. Он-то понятно – работа такая,

а я? Мне чего дома не сидится?! Надо было часик посидеть у Ленки и бежать домой, пока некоторые личности на работу не вышли.

Подумав о некоторых личностях, я сделала открытие: не только бандиты и убийцы выходят в «ночную смену», еще и женщины с низкой социальной ответственностью. Тот, что шаркает позади меня, принял меня за такую женщину и раздумывает, как бы ко мне подкатить. А чего раздумывать, подходишь и предлагаешь. В ответ слышишь тарифную ставку за оказание услуг. Могу предположить, для собственного успокоения, что мужчина неопытен в данном вопросе, потому и собирается с мыслями... Неопытен, но обуздан желанием, причем таким бешеным желанием, что ему все равно, кто перед ним – женщина легкого или строгого поведения. Получив резкий отказ, он, чего доброго, набросится и... удовлетворит свое бешеное желание без разрешения. Еще не известно, чем все закончится. В общем, успокоила себя по полной!

А я не позволю ему надругаться над собой! Не позволю и все! Буду бороться за свою честь зубами, когтями, всем чем угодно. Но не позволю! Это я с виду хрупкая фарфорина, а внутри... Увы, проверять пока не довелось. Но раньше до ТАКОГО дело до доходило, потому и опыта борьбы у меня нет, а случится, и я покажу себя с неожиданной стороны. Жить-то хочется... Однако, будет лучше, если обойдусь без проверки собственных сил и возможностей. Как-то жила почти тридцать лет, проживу еще с полвека.

А если заверещать, как испуганный ребенок при виде шприца, то можно всполошить весь жилой квартал, - трезво подумала я. - Кто-нибудь выпадет из сонного царства, заинтересуется, выглянет в окно и припугнет моего потенциального обидчика, который так и останется потенциальным, не претворит в жизнь свое бешеное желание. Мой преследователь сбежит, без всяких сомнений, а я не стану пускаться в объяснения со своим защитником и тоже припущу к своему дому.

Решение меня несколько не успокоило. Во-первых, я не умею верещать, и никогда не пробовала, а, во-вторых, хорошо же я буду выглядеть, если за мной идет обычный трудяга, погруженный в свои мысли. Вдруг у него сердце больное, а я заверещу, напугаю его, доведу... до крайней черты. Всю оставшуюся жизнь буду себя корить.

Вот так всегда: мне всех жалко, в первую очередь думаю о других, потом о себе... Пусть пугается на здоровье, зато я останусь жива и здорова. Эгоистка.

Эгоисткой я никогда не была, хотя и была единственным любимым ребенком в семье. Такая уж уродилась.

Навострила уши. Тишина, щекочущая нервы. Кажется, сзади никого нет. Мне всё почудилось. Или был человек, угодил ногой в лужу, затем свернул в другую сторону. Или зашел в подъезд. Он уже в своей квартире, ужинает или просто пьет чай, а я накручиваю себя.

Опять ногой шаркнул. Он меня преследует. Если я побегу, он тоже припустит за мной, без труда догонит и... его мечта претворится в жизнь.

Ничего другого в голову не приходит: он сексуальный маньяк, «не озабоченный» мужик. Сейчас набросится на меня, изнасилует и убьет. Была Вика Тимофеева, умница, отличница, нет Вики Тимофеевой. Жаль родителей, одна я у них. И Ленку жаль. Кто ей поможет с малышом? Кто убедит ее воссоединиться с отцом ребенка?.. Жаль, так и не узнаю, кто у Ленки родится.

Спокойствие, только спокойствие, как говорил Карлсон, мужчина в самом расцвете сил. Я никуда не тороплюсь, иду нормальным прогулочным шагом. Только почему-то дыхание в груди сперло. Это от волнения.

Кажется, маньяк тоже ускорил шаг.

Я веду себя омерзительно. Трусость – гадкая черта даже для слабых женщин, надо уметь за себя постоять.

На меня, трусиху из трусих, отличницу, тихую девочку, не спортсменку, что-то нашло. Сначала я остановилась, потом расправила плечи, вздернула подбородок, и только собралась двинуть дальше походкой манекенщицы, презирающей всех и вся, как мне в спину уперлось что-то острое, и некто хриплым голосом вкрадчиво поинтересовался:

- Жизнь или кошелек?

Я мысленно пересчитала имеющуюся наличность в своем кошельке, вспомнила, что сняла с банковской карты перечисленную накануне зарплату (для кого-то - мизер, для меня, инженера, - кругленькая сумма, которую я собиралась потратить на зимнюю обувь для мамы и себе кое-что купить по мелочи), и самоотверженно решила не расставаться с кошельком.

- Кошелек, - проблеяла я, замерев. Даже не удосужилась повернуть голову, чтобы рассмотреть злодея. Вдруг он примет мой поворот за физический ответ и выстрелит?!

А потом произошло то, чего я никак не ожидала. Куда-то исчезло дуло пистолета, сверлящее мне спину, злодей обнял меня за плечи и прошептал на ухо слишком восторженно для создавшейся ситуации:

- Испугалась?

Мой ответ его не интересовал, он продолжил в прежней восторженной манере:

- Извини меня, любимая. – Видимо, догадался, что извинения в подобном тоне не могут быть приняты, и сконфуженно проговорил, - я очень виноват перед тобой. Обещаю – впредь этого не повторится.

Находясь в цепких объятиях, я судорожно соображала, кто это, терялась в догадках, хотя, догадок было с гулькин нос. Извиняться передо мной мог бесхарактерный ботаник, с которым мы расстались много лет назад, поэтому сразу отвергла его кандидатуру. Отвергла еще и потому, что у него не было причин расшаркиваться, это я дала ему отворот-поворот, он особо не огорчился и быстро выветрился из моей жизни. Другим кандидатом мог быть мой начальник, Эдуард Васильевич Шпунтов, который цеплялся ко мне по любому поводу, попросту говоря – гнобил. Ни за что! Я была девушкой трудолюбивой, ответственной и безответной. Но, как известно, кто везет, на том и едут. За семь лет работы я не услышала от начальника ни одного хорошего слова. Не будет он извиняться передо мной темной ночью, и в дневное время суток тоже не будет, тем более, не назовет любимой. Вывод один – я повстречала сумасшедшего. Этот человек рассорился с девушкой и потерял рассудок. Очень ее любил. И любит. Что-то между ними произошло, разлад вышел, на почве разлада у него «поехала крыша», а мне расхлебывать.

Возможно, я у него не первая жертва. Предполагаю, что названные любимые начинали спорить, что-то объяснять, доказывать, а он... от волнения или нахлынувшего недовольства... их жестко успокоил... навсегда.

Да, ситуация лучше не придумашь.

Хотела я, как думала раньше, заверещать, но к горлу подступил комок. Но мне удалось вывернуться из объятий, а, чтобы не выдать свое «добросердечное» к нему отношение, тут же схватила его за руки, как будто собиралась сплясать русскую кадрили, выпучила при этом глаза, решив одновременно загипнотизировать (то еще зрелище!), и вдохновенно произнесла:

- Давай обсудим все наши проблемы завтра, я очень устала. – А в голове звучала музыка русской кадрили и невольно вспоминались слова песни. Особенно впечатлили строки: «... но все же непокорная, жива кадрили заборная»... Не слова, а допинг, так необходимый мне в данную минуту для поднятия силы духа.

Я почти приготовилась гордо произнести: «Мне пора, поговорим завтра», сильно надеясь, что никакого завтрашнего разговора не случится, но мое обещание заставит его придержать эмоции и желания, но мой «партнер по русской кадрили», слегка ошалевший от моего упорного взгляда и в связи с этим отпрянувший от меня, но, увы, не сбежавший, замороженно произнес:

- Сейчас мы вернемся домой, я напою тебя чаем, уложу в кровать, буду сидеть рядом и любоваться тобой.

В мои планы не входила ночевка с неизвестными последствиями в незнакомом доме наедине с сумасшедшим.

Пока я раздумывала, чтобы еще трогательно-умное ему сказать, он продолжил уговоры:

- Довольно скитаться тебе по чужим углам, возвращайся домой. Я не буду настаивать... Ни на чем не буду настаивать, пока ты сама не подашь мне знак.

- Я... пока... не готова, - невыразительно промямлила я, растеряв героическую уверенность. - Давай оставим все, как есть. Пока... И я, в свою очередь, обещаю, что... больше не буду настаивать (что за дурость повторять за ним слова!) на окончательном разрыве наших отношений.

- Маша...

- Я не Маша, - автоматически брякнула я, не подумав. Откуда взяться сообразительности, если испуг гасит пожар возмущения и непримиримости, хочется вырваться и бежать сломя голову, разбрызгивая лужи.

Я не вырвалась, не побежала, вновь отругала себя за разговоры до полуночи. Ну, кто заставлял меня засиживаться у Ленки?! Так, не впервой... И возвращение домой всегда проходило без происшествий... Но когда-то должны начаться... сюрпризы и неожиданные встречи с... сумасшедшим, довольно испытывать судьбу. Слишком я была самонадеянной. А все почему? Потому что отгородилась от всех, живу в своем мирке, контактирую с людьми по необходимости, при этом отлично знаю, что эти люди не нанесут мне вреда. Начальник не в счет, но он ограничивается нанесением морального вреда, отсюда у меня душевный дискомфорт и желание закрыться. Там мне

кажется. Возможно, причина иная. Но копаться в себе не хочется, чтобы не усугублять...

Черт, черт, черт, - мысленно выругалась я, накручивая пружину непримиримости.

Между тем незнакомец, назвавший меня Машей, попытался расцепить связку рук и перейти к сближению тел, но я ему этого не позволила. Не думаю, что мои силы превосходили силы противника, просто противник боялся разрушить хрупкий мир, о котором я ему намекнула. При этом он взглянул на меня иначе, чем прежде – его глаза прояснились. Мне показалось, что до этой минуты он спал с открытыми глазами, а сейчас я его разбудила. Надеюсь, прогресс в выздоровлении не замедлит ход, он опомнится, извинится, я с ним расцеплюсь, и он уйдет. Только бы ни рецидив, только бы... Случился, о ужас!

- Маша, я твой Игнаша, - не совсем уверенно признался он, глупо скалясь.

Еще бы знать, в чем он не уверен: в том, что он Игнаша, или в том, что я его Маша.

Меня пробил нервический смех.

- Если бы я назвалась Анфиской, ты бы сказал, что ты Дениска.

Игнаша, или как там его зовут на самом деле, пропустил мои слова мимо ушей. Он нашел себе занятие – сверлил взглядом мой лоб, а конкретно – переносицу. Будто бы примеривался перед выстрелом. Его руки были по-прежнему скованны моими руками. Высвободиться он не пытался.

Я вспомнила о пистолете. Успокоила себя тем, что никакого огнестрельного оружия у него нет, он шутил – сверлил мою спину пальцем. Теперь сверлит взглядом мою переносицу. Лучше бы мы стояли вдали от столба уличного освещения, тогда бы я не видела его лица. Сомнительное сравнение.

- Ну, пошутили и хватит, - вежливо вступила я, освободила его руки и заботливо уложила их вдоль его туловища, понадеявшись, что руки приклеятся к туловищу и не дотянутся до меня. Было бы неплохо, если бы его ноги приклеились к тротуару. – Мне пора, спокойной ночи, - пожелала я и собралась уйти.

Не тут-то было. Игнаша сделал рокировку и перегородил мне дорогу, его руки остались на прежнем месте – вдоль туловища.

- Нет, не хватит, - зловеще произнес он, мгновенно избавившись от раболепия. И прошипел, – ты пойдешь со мной. Мне надоело унижаться и уговаривать. Всему есть предел. Не хочешь по-хорошему, будет по-плохому.
- Я буду кричать, - предупредила я не слишком отважно.
- Кричи, - согласился он, - я всем расскажу, что моя жена...
- Я тебе не жена, - перебила я его. - Твою жену зовут Маша? Маша! А меня зовут Виктория, фамилия Тимофеева, мне без малого тридцать лет, я не замужем. Съел?! – взвилась я и показала язык. Совсем уж глупо!
- Я еще не сошел с ума, чтобы не узнать свою жену, - констатировал Игнат.
- А я думаю, что... - Я осеклась, не решившись нагрубить человеку не в себе. – Я вот что подумала, Игнат, - протянула я, судорожно соображая, как могу его убедить, что я не его жена Маша. – Наверное, мы с Машей очень похожи. Ты перепутал. Я могу тебе доказать, что я Вика Тимофеева, у меня с собой есть пропуск. Я работаю на предприятии «Рубин».
- Зачем меня за нос водить, - хмыкнул чужой муж. – Это еще одно доказательство, что ты это ты.
- Я чего-то не пойму, - насупилась я.
- Маша, то есть ты работаешь на предприятии «Рубин».
- Ты издеваешься? – задохнулась я от возмущения.
- Это ты издеваешься, - парировал Игнат. – Что ж я свою жену с другой девушкой перепутаю?!
- Уже перепутал, - окончательно осмелела я и задала совсем не нужный при этих обстоятельствах вопрос, зубы заговаривала, раз с гипнозом ничего не вышло. - А сам-то ты где трудишься?
- Маша, это уже не смешно.
- Не я первая начала... веселиться, - набычилась я. – Так где и кем ты работаешь, Игнат... не знаю твоего отчества и фамилии.
- Ну, хорошо же, - обреченно вздохнул молодой мужчина, - начнем все сначала, так даже лучше... Девушка, можно с вами познакомиться? Меня зовут Игнат Борисович Праздников. А вас?
- Виктория Тимофеева. Можно без отчества.
- Маш, ты опять?

- Сколько раз тебе говорить – я не Маша! Можешь меня убить, растерзать, я все равно не стану Машей, твоей женой! – рявкнула я, разбудив дворнягу, спавшую на кучке собранной осенней листвы. Собачка тявкнула, для проформы, чтобы ее не беспокоили, и прикрыла лапой нос.

- Но ты же работаешь на предприятии «Рубин»? – понизив голос, спросил Игнат Праздников, заранее зная ответ, который обязан меня убедить, что я его законная супруга.

- Железная логика, – скривилась я, поглядывая на дворнягу, и зачем-то добавила, повысив голос, – не будите спящую собаку! Так назывался старый фильм по пьесе Джона Пристли, который я никогда не видела, но который обожала моя мама. Мне хотелось призвать собачку в союзники. Но, увы.

- Машенька, я тебя прошу....

- С меня хватит! – прежним вызывающе-громким голосом возмутилась я и пригрозила, – только попробуй пойти за мной!

Собачка завозилась на своем ложе, но не издала ни звука.

- И что будет? – без намека на улыбку поинтересовался Игнат.

- Лучше тебе этого не знать, – с трагизмом предупредила я, попяtilась, потом развернулась и застучала каблуками по тротуару.

Перед тем, как скрыться за углом, я все же не сдержалась, повернулась и увидела Игната. Он «приклеился» ногами к влажному тротуару, смотрел мне вслед и осмысливал мою угрозу.

Мне стало его жаль, в голову впорхнула убойная мыслишка – а не вернуться ли мне, не поговорить ли мне с ним по душам. Но я быстро отогнала убийственную мысль прочь, через три минуты уже открывала дверь своей квартиры, а через секунду стояла у окна комнаты, погруженной во тьму, соблюдала конспирацию – не хотела, чтобы меня заметили с улицы. Ждать пришлось недолго. Игнат появился из-за угла. Меня успокоило то, что он не заметил, в какой подъезд я вошла.

Но он знал, как меня зовут (сама проболталась), поэтому без труда наведет обо мне справки у жильцов дома. На каждый роток не накинешь платок – разрезвонят обо мне без долгих уговоров. Остается надеяться на защиту Маши, супруги Игната, которая тоже работает на одном со мной предприятии «Рубин». Надеюсь, Маша носит фамилию мужа.

Неужели мы с ней так похожи, что нас перепутал ее законный супруг? Или он, действительно, сошел с ума?

Я долго не могла уснуть, все размышляла. К утру пришла к пугающему выводу: вполне возможно, что с Машей произошла трагедия. Игнат от горя сбрендил. Теперь бродит по ночным улицам города, ищет жену Машу, хочет вернуть ее назад...

Игнат просил у нее прощения. И совсем не за то, о чем поначалу подумала я – не за свою измену. Получается, Игнат жестоко расправился с Машей.

Придет же такое в голову! Спи, Вика, спи, у тебя завтра тяжелый день...

Проснувшись, я очень удивилась, что накануне Ленка мне так и не позвонила, не поинтересовалась, как я добралась до дома. И добралась ли, вообще. Подруга называется.

Но я за всеми событиями тоже забыла о подруге.

Загорелась желанием позвонить ей и обо всем рассказать. Позвонила, но делиться новостями не стала: беременных нельзя волновать. Поинтересовалась ее здоровьем и настроением. Ленка сразу призналась, что после моего ухода сразу рухнула на кровать и уснула без задних ног.

- Я так и подумала, потому не стала донимать тебя звонками, - сообразила я на ходу.

- Викуша, у тебя все нормально?

- Все ок! А почему ты спрашиваешь?

- У тебя голос человека, который собирается поднять восстание.

- Да? А ты много раз слышала подобные голоса? Тесно общалась с людьми, готовыми затеять бузу?

- Тесно не общалась, но слышала по телевизору, в новостях, в старых кинофильмах.

- Тебе вредно смотреть новостные передачи, тебе нужен позитив.

- Где там, - отмахнулась Ленка. – С утра уже донимает звонками, - неискренне-возмущенно доложила она, имея в виду, естественно, Виталика, своего бывшего.

- Если ты ему не скажешь, скажу я! Последнее предупреждение!

- Испугала! Я уверена, что ты не будешь вмешиваться.
- Не буду, но совет могу дать, и надеюсь, ты к моему совету прислушаешься...
- Вика, мы вчера уже все обсудили.

Это «вчера» вернуло меня в мрачную действительность непонимания, я быстро распрощалась с подругой, пообещав позвонить ей вечером. Быстро собралась, выпила на ходу кофе и поспешила на работу. Еще не хватало опоздать и порадовать придирчивое руководство, которое спит и видит, как бы меня пропесочить.

В автобусе я размышляла, к кому могу обратиться за информацией о Марии Праздниковой. Разобраться в странностях поведения ее мужа я просто обязана, для своего собственного спокойствия. Очень надеялась, что мои ночные сочинительства окажутся всего лишь бредом человека, получившего стресс.

Я была замкнутым человеком, поэтому круг тесного общения был невелик, и друзья-приятели не слишком отличались от меня: не собирали информацию о коллегах и работниках предприятия, никому «не перемывали кости». Кто же утолит мой внезапный интерес?

Кажется, я знаю, кто. У одной моей коллеги, Ядвиги Земсковой, с которой у нас установились дружеские, более-менее доверительные, отношения, есть двоюродная сестра. Она работает инспектором отдела кадров...

Производственного аврала, свойственного концу года, у меня пока не наблюдалось, чего не скажешь о Ядвиге, но она согласилась уделить мне минутку для разговора. Я лишний раз убедилась, что любопытство в число черт ее характера не входит: она не стала спрашивать, зачем мне информация о Марии Праздниковой. В отличие от Ядвиги я иногда прерывала обет безразличия к чужой жизни и интересовалась жизнью своего шефа, Эдуарда Васильевича Шпунтова. Сама не знаю, зачем мне подробности его личной жизни. Естественно, источником информации была не Ядвига.

Земскова меня выслушала и сделала то, на что я рассчитывала – направила меня к своей родственнице в отдел кадров. Но предупредила:

- Если интересующая тебя особа, действительно, работает на нашем заводе, то ты получишь только сухую информацию о ней. Анкета и все прочее не раскроют тайны «бразильского сериала».

- И что делать? Меня интересует «бразильский сериал», если он конечно имеет место быть.
- Для начала обратись к моей двоюродной сестре для подтверждения – работает на заводе интересующая тебя osoba или нет, а потом уж сестрица направит тебя в «справочное бюро». Есть у них одна дамочка – страсть как любит «косточки кому-нибудь перемыть». Были бы уши свободные.
- Проста так, без рекомендации, я к ней не подъеду.
- Сестру попросишь, она даст тебе... хм... рекомендацию.

Я никак не ожидала, что Алевтина Валерьевна, тетка под пятьдесят, приходится моей подруге двоюродной сестрой. Во-первых, значительная разница в возрасте, во-вторых, никакого внешнего сходства: Ядвига тростинка, сестра – дама упитанная, про таких говорят – нарушен обмен веществ. Но лицо у Алевтины миловидное и приветливое.

Я под села к столу и тихим голосом высказала свою просьбу. Алевтина с заговорщицким видом сообщила, что Ядвига ей звонила и предупредила о моем приходе и моей просьбе, поэтому успела подготовиться. Подсунула мне папку с личным делом Марии Ивановны Праздниковой. Не знаю, постоянно ли загружены папками столы сотрудников отдела кадров, лично мне показалось, что женщина сделала это намеренно, желая скрыть нарушение инструкции. И шепнула мне:

- Поторопись, пока начальник не заглянул в нашу каморку.

Я быстро пробежала глазами несколько листов.

Моя ровесница. Не скажу, что одно со мной лицо, но похожа. Даже стрижка такая же, как у меня, ничего выдающегося – волосы до плеч. Замужем за Игнатом Борисовичем Праздниковым. Детей нет. Проживает по адресу...

- Тебе повезло, что эта девушка недавно уволилась, - принимая от меня папку с личным делом, тихо сообщила женщина-инспектор, - а так бы я не смогла тебе помочь. Раз уволилась, тогда что уж...
- Когда уволилась? – ошарашенно протянула я.
- Сейчас я скажу тебе точно... Заявление написано тридцатого сентября, отработала по закону две недели, получила расчет и все дела.

- Уволилась в октябре... Получила расчет... Но как же... – задумчиво протянула я, вовремя прикусив язык.

- Что-то еще?

- Ядвига говорила, что в... «справочном бюро» я могу получить конфиденциальную информацию о Марии.

Женщина улыбнулась и сказала:

- Это тебе надо обратиться к секретарю нашего начальника, к нашей Веруне. – После чего повысила голос и деловито донесла до меня, - чтобы внести изменения в ваше личное дело, вы обязаны принести мне подлинник, а не ксерокопию. – И незаметно подмигнула мне, заметив мое истукано-дебильное состояние. Все-таки, мысленно я была уже в другом месте.

- Я обязательно принесу, - заверила я, отмерев...

Веруня, секретарь начальника отдела кадров крупного предприятия оборонной промышленности, в отсутствие руководителя творчески красила помадой свои ненатурально пухлые губки.

Я с порога выразила свою просьбу, надеясь за мгновенный отклик со стороны Веруни, мечтающей заполучить «свободные уши». Не на ту нарвалась.

- А тебе зачем?

- Очень надо, - проблеяла я, потупившись.

- Э-э-э, так дело не пойдет, - покачала головой Веруня, - информация за информацию.

- Понимаешь, ко мне клеится Игнат Праздников. Вполне себе ничего кадр, но вдруг я случайно узнаю, что у него есть законная супруга. А я, как дура, ему поверила: люблю, хочу жениться, все в таком духе. Вот и подумала, может быть, она ему законная жена только по бумагам, они находятся в процессе развода?

- Почему сама у него не спросишь напрямую? – резонно спросила Вера, тезка той самой секретарши Веры из комедии «Служебный роман», но ничего общего между ними не было – эта была блондинкой, и рост у нее, больше подходящий для занятий баскетболом. На Веру засматривались все, не только мужчины. Я - не исключение, вот только не знала, кем работает эта «баскетболистка», тем более не знала, что она - «справочное бюро».

- Боюсь, - односложно ответила я на ее вопрос.

- Допустим, я тебе поверила. Но сейчас я очень занята, - подчеркнуто заявила Вера и предложила, - давай встретимся в обеденный перерыв в кафе и поболтаем.

- Очень хорошо, - кивнула я...

В полдень я с досадой взглянула на пластиковый контейнер с моей любимой пшенно-тыквенной кашей и потелепалась в кафе.

В кафе было многолюдно, я выстроилась в очередь с подносом в руках. Вскоре ко мне присоединилась Веруня, тоже с подносом, вклинившись без очереди. Никто не посмел сделать ей замечание.

Когда мы уселись за столик, девушка торжественно заявила:

- Ты - Виктория Тимофеева, работаешь в отделе разработок.

- Что еще тебе удалось обо мне узнать? – беспечно спросила я.

- Ничего достойного моего внимания, - вздохнула Вера. – А вот у Марии Праздниковой жизнь гораздо интереснее, - с восторгом сообщила она, ловко расправляясь с куриной отбивной. - Твоя Маша работала в планово-экономическом. Всё было тихо-мирно до тех пор, пока не закрутила любовь с сопливым мачо. Совсем с дуба рухнула. А потом как в анекдоте: неожиданно домой вернулся муж и застал жену в объятиях любовника.

- Кем он работает? – Вот сдалась мне его профессия! Что она меняет?

- Муж или любовник? – подозрительно глядя на меня, уточнила Вера.

- Муж, - не чувствуя подвоха, ответила я.

- Вика, ты вообще о нем что-то знаешь?

- Я? Так, кое-что, без подробностей, - уклончиво сказала я. – Игнат не любит лишних вопросов.

Вера осудительно покачала головой. Видимо, покорных женщин она презирала.

- Дальнобойщик твой Игнат. Супруга в тот день его не ждала, он должен был вернуться из рейса утром, а он, возьми и нарисуйся на пороге поздним вечером! Вот и я! Вы меня не ждали?! Любовника жены спустил с лестницы, а супруге поставил фингал под глазом, в сердцах в глаз заехал. Всю ночь они ругались, отношения выясняли, потом извинялись друг перед другом,

особенно усердствовал несдержанный супруг, который до сего момента сдувал с Маши пылинки.

- Откуда такие сведения?

- От Машиной ближайшей подруги, Юлианы Безугловой, она вместе с Машей в планово-экономическом работает. Мы с Юлианой давно дружим.

- Кажется, я видела Юлиану. Она очень эффектная женщина.

Вера промолчала, по всей видимости не любила, когда в ее присутствии восхваляют чужую красоту.

- Что было дальше? – заискивающе поинтересовалась я, желая загладить свою оплошность. – Праздниковы помирились?

- Ага, помирились! - хмыкнула Вера. - Машка втюрилась в этого сопливого мачо, как пятнадцатилетняя девчонка. Муж обещал обо всем забыть, но Машка собрала утром вещички и ушла. Забежала к Юлиане, всучила ей доверенность на собственное увольнение, поплакала на ее плече, распрощалась и ушла. Юлиана написала за Машу заявление на увольнение, начальник заартачился, потребовал отработать положенные по закону две недели. Юлиана позвонила Маше, та вспомнила, что у нее осталось две недели от отпуска. Удачно всё сложилось. А расчет перевели на банковскую карту. Больше Машу никто не видел, и никакими сведениями о ней не располагает.

- Никому не позвонила ни разу? - округлила я глаза от удивления. Ночные сочинительства находили косвенное подтверждение.

- Возможно, кому-то и звонила, но ни мужу, ни Юлиане с тех пор точно не звонила. Муж себе места не находит, переживает, как бы с ней чего не случилось.

- Бесится от ревности. И не верит, что Маша счастлива с новым избранником. Вот и весь сказ.

Взгляд Веры мне не понравился. Вера пропустила мои слова мимо ушей и продолжила как ни в чем ни бывало:

- Юлиана много раз пыталась ей дозвониться, но телефон Маши выключен.

- В их последнюю встречу Мария не делилась своими планами?

- Сказала, что они покидают город, Игнат не даст им жизни. А куда именно отправляются, не сказала.

- Маша выглядела счастливой женщиной? – задала я неожиданный вопрос.
- Вера посмотрела на меня с уважением и сразу пояснила:
- Вопрос не в бровь, а в глаз. Вика, как бы ты выглядела, если бы сбылась твоя заветная мечта – ты ушла от ненавистного мужа к любимому человеку?
- Мне сложно ответить: у меня нет ни мужа, ни любимого человека.
- Так уж и нет любимого человека? – не поверила Вера, а я зарделась, как распаренное на солнцепеке яблоко. – Понятно, - протянула она, криво улыбнувшись. – Но чисто теоретически?
- Парила над землей от счастья, если бы любимый человек... хотя бы... оказал мне знак внимания. Что уж говорить о предложении жить вместе, пусть без официального оформления брака. Тогда бы просто сошла с ума.
- Верю. Сама такая. И в этом нет ничего удивительного.
- А Мария?
- Мария была подавленной. Можно подумать, ее тянули к любовнику на аркане, это была не ее инициатива.
- Резкие перемены в жизни не всем даются легко, - рассудительно заметила я. - А что Игнат? Он ограничился душевными переживаниями или все-таки пытался отыскать беглянку?
- Игнат нашел себе другую, - констатировала Вера.
- Мне хватило ума не поинтересоваться, кто эта другая.
- Между нами нет ничего серьезного, - проблеяла я, потупив взор.
- И не надо! – выпалила Вера. – Вы с Игнатом совершенно не подходите друг другу... Извини. Решать тебе. – Как ни в чем ни бывало Вера вернулась к моему вопросу о поисках Игнатом пропавшей супруги. - Праздников пошел в полицию, написал заявление.
- На этом всё? Никаких новостей о Маше?
- Кое-что случилось. Как-то Игнату позвонили из полиции и пригласили на опознание...
- Ох!

- Экая ты, Вика, впечатлительная особа... В общем, в одном поселке, что неподалеку от города, сгорел заброшенный дом. При разборе завалов на пепелище был обнаружен труп женщины.

- Почему именно Игната пригласили на опознание? Неужели... у него одного жена... пропала? - глупо пялясь на Веру, сбивчиво спросила я.

- Экспертиза установила приблизительный возраст погибшей женщины, рост, что-то еще. И ты права - в нашей области, что удивительно, в розыске находилась лишь одна молодая женщина, Мария Праздниковая. Вот и вызвали ее мужа для опознания. Но разве он смог опознать... то, что осталось от некогда живого человека.

- Можно провести экспертизу ДНК. Или по зубам определить. Взять рентгеновские снимки из стоматологической клиники, где она лечилась, - показала я свою эрудицию в вопросах судебно-криминалистической экспертизы.

- У Маши вообще не было родственников, она детдомовская. Так что экспертизу ДНК провести невозможно.

- Да, прям, - продолжила умничать я, - в квартире Праздниковых могли остаться личные вещи Марии: зубная щетка или расческа. По вещам можно установить, обнаружен труп Марии или другой женщины...

- Бомжихи какой-нибудь, - хмыкнула Вера. Видимо, ей не очень нравилась моя ученость, которую она не могла перебить. – Ты думаешь, полиция будет рыть носом землю? Больше им делать нечего, как искать сбежавшую жену. Поверь мне, полиция спустит дело на тормозах.

- Почему?

- Не верят они, что с Машей случилась трагедия. Жена сбежала от мужа и где-то скрывается. Рано или поздно объявится...

- Думаешь объявится?

- Обязательно, когда понадобятся какие-то документы. Мария ушла из дома с небольшим набором вещей, прихватила только паспорт, все другие документы дома остались. Сама об этом печалилась подруге в последнюю встречу. А Юлиана, недолго думая, предложила ей одуматься, ведь Игнат – сущее золото, а не муж.

Услышав слово «золото», я задала неожиданный вопрос:

- Свои украшения Маша прихватила с собой? Или у нее кроме обручального кольца ничего не было? Жмотом оказался любящий супруг.
- Обручальное кольцо Мария дома оставила, показательно положила его на видное место – мол, всё, развод и девичья фамилия. А цацки у нее были. Не скажу, чтобы много, но кое-что. Даже брюлики, муж подарил на тридцатилетие. Мария не погнушалась прихватить подарки мужа с собой.
- Вера, еще вопрос: после того, как Маша виделась с Юлианой, она домой не забегала? Мало ли зачем, вдруг забыла какую-то дорогую сердцу вещь? Или за теми же документами?
- Понимаю – ты намекаешь на то, что муж так «обрадовался» ее возвращению, что не сдержался и... прибил? Избавился от трупа, а потом пошел в полицию, чтобы снять с себя подозрения? Тут и сгоревший труп пригодился... Слушай, вдруг сгоревшая женщина и вправду при жизни звалась Марией Праздниковой?
- Вера, что-то мы не о том...
- О том, не о том, а человек исчез почти два месяца назад и не дает о себе знать. Купается в море счастья? Не поверю!
- Возможно, Маша счастлива, о прошлом не хочет вспоминать.
- Счастлива, не счастлива, но могла бы позвонить Юлиане. Успокоить. Все-таки были подругами.
- А если у Маши нет возможности позвонить?
- Вика, куда ты клонишь?
- Я просто так сказала, без всяких задних мыслей.
- А вот мне интересно знать, твой нынешний ухажер, Игнат Праздников, нормальный вообще?
- Нууу, - затянула я, не зная, что ответить: наговаривать не хочется, как и рассказывать о своих подозрениях.
- Неужели ты не разобралась, в себе он или не в себе? Повлияла на него измена горячо любимой супруги? – настороженно уточнила Вера, как будто Игнат жил с ней по соседству, и она боялась за свою жизнь.

- Да, как сказать, - неопределенно высказалась я. – Иногда он выглядит нормальным, а иногда... отстраненным. В этот момент мне рядом с ним неуютно.
- Милая, беги ты от него пока не поздно, - посоветовала Вера, забыв о недавнем извинении и предложении «решать тебе».
- Знаешь, мне не верится, что Игнат мог поднять на женщину руку, даже при сильном раздражении, - неожиданно призналась я. Наверное, мне этого очень хотелось. Чем-то меня мой ночной знакомец зацепил. Скорее всего, своей преданностью жене, которая так скверно с ним поступила. Однако, он извинялся, я сама это слышала. Извинялся передо мной, думая, что я – Маша. Значит, было за что. И не надо сочинять всякие страсти-мордасти, кидаться в крайности. Игнат приносил извинения за свое невнимание к жене, что послужило толчком к ее измене. Посчитал, что в первую очередь виноват он, потом уж – жена.
- Возможно, ты права, - выдержав паузу, согласилась со мной Вера. – Я только сейчас об этом подумала, а тогда не придавала значения словам Юлианы. Она утверждала, что на лице Маши не было следов побоев. Прежде чем прийти к подруге, Маша предварительно ей позвонила, пожаловалась на мужа, объяснила причину своего ухода – ударил, унизил. Выразилась просто – поставил фингал под глазом. Юлиана забыла о фингале, уже потом, когда мне рассказывала обо всем, вспомнила: не было никакого фингала на лице! Ну и стерва эта Машенька.
- Получается, Маша зря наехала на мужа... Но зачем?
- Чтобы показать себя жертвой, а его – изувером.
- Могла еще что-то наплести, оправдывая свои измены.
- Естественно!
- Вера, а ты видела этого сопливого мачо, который задурил голову замужней женщине?
- Живьем не видела, только фотку. Они как-то заходили в гости к Юлиане, та их «щелкнула» на смартфон.
- Ну и?
- Как тебе сказать, - нахмурилась девушка, - хрен редьки не слаще, но на вкус, как говорится...

- Игнат не писанный красавец, но вполне приятный человек. Что-то в нем есть...

- Море симпатии, - подсказала с улыбкой Вера. - Он умеет очаровывать женщин.

- А ты с ним....

- Шапочное знакомство. Один раз пересеклись в одной компании. Он был со своей ненаглядной Машей, весь вечер с нее глаз не сводил. Мне показалось, что всё его «выступление» было адресовано не всей публике, а лично ей одной.

Внутри меня шевельнулся червь ревности. Или зависти: Машу очень любил и любит, несмотря ни на что, приятный с виду мужчина, не Квазимодо. Мы с Машей очень похожи, а меня никто не любит, кроме родителей и Ленки. Что во мне не так?

- Вера, я хочу поговорить с Юлианой.

- Не думаю, что это хорошая мысль, - насупилась Вера. - Ничего нового она тебе не расскажет.

- Ладно, - кивнула я без сожаления.

- Вика, что еще не так? Я тебя чем-то обидела?

- Ты здесь ни при чем. Я хочу как-то помочь Игнату, но не знаю, как. Он выглядит очень подавленным.

- Ты хочешь ему помочь? Чем? Вернуть сбежавшую супругу?

- Почему бы и нет, - передернула я плечами. – Раз он ее любит.

- А ты как к нему относишься?

- Я его не люблю.

- Уверена?

- Уверена, потому что люблю другого человека.

- Ну и занимайся другим человеком! Сдался тебе этот Праздников!

- Что значит, занимайся? Я не могу навязываться человеку, который...

- Как он к тебе относится? - уточнила Вера, не дождавшись от меня продолжения.

В ответ я лишь тяжело вздохнула.

- Понятно, - обронила Вера. – А добиваться его любви тебе воспитание не позволяет.

- Да, не позволяет! – с вызовом произнесла я.

- А ты уверена, что он к тебе равнодушен? Или ты просто боишься разобраться в ситуации? Не знаешь, значит, тешишь в себе надежду. Узнаешь горькую правду - конец всему.

- Это все равно, как рожденному ползать мечтать о полете на Марс.

- Мечтать не вредно, вредно не мечтать. И сходить с ума от безызвестности – тоже вредно. Будешь, как... Игнат.

- Спасибо за сравнение. Неужели ты считаешь его умалишенным?

Вера задумчиво тянула из стакана компот из сухофруктов, потом жестко поставила стакан на стол компот, и проговорила:

- Юлиана говорила, что выглядит он... нездоровым. Ей есть с чем сравнивать, она знала его прежним.

- Умственно-нездоровым? Вера, ты снова намекаешь на то, что болезнь случилась не по причине расставания с женой, а после... ее убийства?

- Ты сама это сказала.

- Неужели такое возможно?!

- Сплошь и рядом! Смотри криминальные новости. Игнат убил жену, под покровом ночи вывез труп за город. Причем труп не в лесу закопал, а оставил в поселке, в нежилом доме. Дом поджег, а сам смылся. Затем отправился в полицейский участок, написал заявление, а потом... осознал содеянное и... сошел с ума. Правдоподобно?

- Не знаю. Я не общалась с сумасшедшими, но мне кажется, такие люди не умеют изображать переживания. Раскаяние, да. Раз человек себя не контролирует, то он может сболтнуть лишнее, признаться в содеянном, попросить прощения у жертвы...

Боже! А ведь Игнат просил прощения у... Маши! – опять вспомнила я. – И это значит, что он убил Машу. Как ни крути, а ничего другого в голову не приходит. Мало ли подобных случаев: и мужья уходят от жен, и жены от мужей, но я не слышала, чтобы кто-то терял рассудок. Внутренние болезни случаются,

причем совсем нехорошие, но человек «продолжает дружить с головой», пусть он и зациклен на своей личной проблеме, донимает рассуждениями всех друзей и даже случайных знакомых...

- Ты сказала – изображать? - вернула меня к разговору Вера. - Хм... Вика, ты считаешь, что Игнат изображает переживания по поводу исчезновения Марии?

- Я неправильно выразилась. Он переживает, без всякой игры.

Почему я стала его адвокатом?! – подумала я. – Надо вывести его на чистую воду, а не защищать.

В это время у Веры зазвонил мобильный телефон.

- О, Юлиана звонит. Легка на помине... Привет, подруга, - поздоровалась в трубку Вера. – В кафе, где же еще, ведь обеденный перерыв. А ты почему не на работе?.. Отгул взяла, понятно, - сверля меня взглядом, проговорила она. – Кто звонил? Игнат? И что он хотел?.. Да, ладно! Ну и дела... Хорошо, завтра все обсудим.

- Что случилось? – поторопила я Веру.

- Юлиане позвонил Игнат. Доложил, что ночью встретил Машу, он говорил с ней, просил прощения. Она обещала подумать. Игнат узнал, где она сейчас живет... И кажется, живет одна, без своего сопливого мачо, иначе тот бы ее сопровождал.

- Вера, почему ты так на меня смотришь? Ты нашла внешнее сходство с Машей? Игнат мне об этом ни раз говорил.

- Не нахожу никакого внешнего сходства, - брякнула Вера. – По сравнению с простушкой Машей, ты королева. В тебе есть благородство и изысканность.

- Тоже скажешь, - хмыкнула я, окинув критичным взглядом свой скромный наряд.

- Дело не в одежде, - заметив мой интерес к собственной персоне, парировала Вера. – Одна и в мехах-изумрудах на балу выглядит чужой на празднике жизни, а другая и в пижамке - барыня-сударыня. Дело в генах, ну и в воспитании, конечно. Это как сравнить пса дворянской породы с породистой немецкой овчаркой.

- Обидное сравнение.

- Но доходчивое, - задумчиво протянула Вера. Не успела я задать ей уточняющий вопрос, как она сама призналась, - не нравится мне вся эта история с ночной встречей. Попахивает грандиозным обманом. Игнат хочет надежно спрятать концы в воду: хочет дать понять, что Маша жива. Зачем ему это? Чтобы себя защитить от подозрений. Кто был свидетелем их встречи? Никто.

- Я была... свидетелем...

- Вы с Игнатом столкнулись на улице с Машей?

- Вера, даже не знаю, как сказать.

- Лучше на русском, у меня с иностранными языками туго, - пошутила девушка, несмотря на то, что ей было не до смеха, Вера была обижена. – Если ты видела Машу, то чего ж ты мне мозги компостируешь?!

- Вер, не обижайся... Я тебя обманула. Сейчас расскажу все, как на духу... А потом ты мне подскажешь, что делать дальше. Честно говоря, я... боюсь...

Вера выслушала меня, ни разу не перебив, только попеременно хмурилась, сопела и покачивала головой. А, выслушав, тут же заявила:

- Осталось разобраться: Игнат на самом деле сбрендил или прикидывается.

- Мне его искренне жаль, но еще жальче себя: вдруг он захочет... убить жену-предательницу вторично?

- Скоро и я с ума сойду, - скорчив мину недовольствия, пробормотала Вера. – Но самое ужасное, что у меня пока нет решения проблемы. Уж, прости. Но лучше тебе не ходить одной по улицам в ночное время.

- Я это и сама поняла...

Вторую половину рабочего дня я усиленно делала вид, что горю желанием совершить великое открытие. С этой целью пялилась в экран монитора, время от времени мои пальцы бегали по клавиатуре. И этого мне было мало для театрального действия, устроенного для придирчивого начальника. Для пущей убедительности я делала в рабочей тетради заметки. Знал бы мой начальник, что я пишу.

Я изучала признаки заболевания шизофренией, и кое-что конспектировала. Параллельно осмысливала план своих действий. План пока состоял из одного пункта: найти еще одну подругу Марии Праздниковой. Например, из детского

дома. Далее первого пункта дело не продвинулось. И все из-за пристальных взглядов начальника, которыми он меня одаривал время от времени. Бдительности я не теряла: надо быстро вернуть себя к своим схемам, когда он надумает ко мне приблизиться.

Невольно я перешла от размышлений об Игнате Праздникове, больного шизофренией, и от его исчезнувшей супруги, пока еще законной, к себе любимой: страх за свою жизнь не только не улетучился, но стал увеличиваться. Рядом со страхом ходит жалость. И некому-то меня защитить, бедная я, несчастная. Мужчин в нашем отделе много, а обратиться за помощью и поддержкой не к кому. Если честно – не хочется... Есть один человек, с которым можно... было бы поделиться своей проблемой, но этого я не буду делать ни-ког-да.

Никогда не говори никогда.

Ох, бедная я, несчастная. И нет рядом со мной человека, который не отмахнется, не высмеет, посочувствует и найдет выход.

Впервые обратилась за помощью к постороннему человеку, к Верочке, с которой легко установился контакт, и получила: не ходи в темное время суток по улицам одна! А с кем мне ходить? Просить отца, чтобы встречал меня с работы и провожал до дома? Попросила бы, если бы он был помоложе и поздоровее.

В итоге надоело себя жалеть, и я переключилась на своего грозного начальника, державшего меня на крючке.

Как я уже говорила, звался мой начальник, приставала и критикан, Эдуардом Васильевичем Шпунтовым. Встретила бы его на улице, не прошла бы мимо, заинтересовалась. Эдуард Васильевич, за глаза твердолобый Эдик, притягивал женские взгляды, но его симпатия исчезала мгновенно, когда он начинал устраивать разнос по всем статьям за плохо выполненную работу. И понимаешь - в чем-то он прав, ты сработал «спустя рукава», а все равно обидно. Думаю, если бы устраивал разнос старикан с проплешинами на голове, неприятный тип во всех отношениях, у которого с годами испортился и без того скверный характер, было бы не так обидно. От Шпунтова, сравнительно молодого мужчины – всего-то тридцать восемь, обидно получать нагоняй.

С другой стороны, как ему повлиять на нерадивых подчиненных? Самому выполнить за них работу? Он и так является главным разработчиком, мы лишь

исполнители. Если что не понятно, обращаемся к нему с вопросами, он спокойно все объясняет, не ерничает... Но все равно обидно...

Наверное, из-за его придирчивости и жена от него сбежала. Эдик сильно страдал, так говорили особо наблюдательные, они же утверждали, что только любимая работа помогла ему выйти из депрессии. И еще нападки на подчиненных - это по моему мнению. А что касается страданий и депрессии, то я ни того, ни другого не замечала. Могу предположить, что после развода с женой твердолобый Эдик ополчился на весь женский род... в моем лице. Почему именно в моем? Лучше спросить у него. Лично я себя не считаю последней по уму и исполнительности в списке сотрудников нашего отдела. Он хотел иметь при себе девочку для битья, и выбрал на эту роль меня.

Я часто задумываюсь: если бы Эдик оставил меня в покое, меня бы устроило такое положение вещей? Ответ лежит на поверхности: естественно! Но это на поверхности, а в душе... Пусть это останется моей тайной.

Так что там с признаками шизофрении, - вернулась я к самому важному на сегодняшний день делу. От понимания зависит многое: первое – моя безопасность, второе – подозрения относительно Игната. Я азартно вернулась к «работе», но тут твердолобый Эдик заскрипел стулом, и я перескочила на «прежние рельсы».

Наши тетки судачили, будто бы Эдик сам проявил инициативу – предложил жене развестись. Тогда к чему, спрашивается, страдать? Одно исключает другое. Или он не хотел с ней расставаться, но так сложить обстоятельства, что пришлось. Как в случае с четой Праздниковых. Пока Эдик своим подчиненным мозг выносит, его супруга весело проводит время...

Так все и было, поэтому он ест меня поедом.

Вика, тебе не надоело «воду в ступе толочь»? Что ты взялась за этого твердолобого Эдика?! Страдал, не страдал, тебе то что! Лучше бы страдал – своего рода мечь. Болезненный укол от жены для моего удовлетворения.

Ай, ай, ай, а еще считает себя доброй самаритянкой, - мысленно высказалась я о себе в третьем лице. – Всегда всех жалко, а Эдика... совсем не жаль. Даже радость переполняла и переполняет по причине его одиночества. И никому ты, Эдик, не нужен! А все почему? Потому что у тебя скверный характер.

А почему я решила, что он одинок?

Как бы мне хотелось, чтобы болезненный удар нанесла супруга. Но до меня, нелюбителя сплетен, пробился слух: Эдик гульнул на стороне, счел свой

поступок унижительным по отношению к супруге, признался ей, и предложил развестись. Экое благородство! Лучше бы ты был верен жене. Окончание брачной истории мне импонирует – Эдик остался один. Жаль, что мой начальник оказался непорядочным мужчиной. Или порядочным? Услышать бы правду из первых уст. А что это изменит?

Я исподтишка взглянула на Шпунтова. Он по-прежнему сидел за своим большим столом в углу нашего огромного помещения. Правая рука сжимала компьютерную «мышь», кулак левой руки подпирал подбородок. Взгляд периодически переезжал с экрана монитора на подчиненных. Никто, кроме меня, не ерзал под его взглядом.

Все-таки у твердолобого Эдика очень симпатичная внешность. Темно-русые волнистые волосы, красивый правильный профиль, высокий лоб, рост, плечи... Красавчик и умница. Одет всегда прилично: костюм, сорочка светлых тонов, галстук, обувь на зависть всем любителям красоты и удобства.

Интересно, кто ему галстуки подбирает? Неужели сам? Или? Скорее – или: у мужчин всегда проблема с выбором галстука. Значит, любовница имеет место быть.

Мне сей вывод не понравился. Даже злость появилась. Захотелось незаметно бросить в начальника карандаш и обязательно угодить в глаз. Глаза у Эдика зеленые. Не ярко-зеленые, а приглушенно-зеленого цвета. А когда он кого-то отчитывает, то глаза темнеют. Не глаза, а стоячая вода, подернутая тиной.

Наверное, мне надо перейти в другой отдел. Больше не могу выносить придирок твердолобого Эдика. На работу приходишь уже на взводе, целый день сидишь как на иголках, только и ждешь выпада с его стороны. Большую часть жизнь человек проводит на работе, и он обязан получать от работы не только материальное, но и моральное удовлетворение. А я от своего «игольчатого» состояния скоро попаду в психушку... Вместе с Игнатом Праздниковым.

В который раз за сегодня вспомнив об Игнате, я углубилась в изучение психического заболевания, потеряла бдительность и забыла о начальнике. А он, тут как тут. Незаметно подкрался ко мне, встал за моей спиной. Я почувствовала его присутствие только тогда, когда он положил руки на спинку моего стула, случайно коснувшись моей спины. По моей спине пробежал электрический ток, несмотря на легкое, скользящее касание.

Я напряглась в ожидании разноса.

С этой целью Шпунтов приглашает в свой угол, чтобы «не при всех». Он не кричит, не шипит, высказывает свое недовольство четко и отстраненно. Обидно. И заканчивает словами: «У меня всё».

Эдик стоял и молчал. Я догадалась – читает текст на экране монитора, который давно перестал мне быть интересен, но я, по глупости, не вернулась к своей схеме и графику, хотя бы для видимости. Я слишком увлеклась размышлениями об Игнате Праздникове. Слегка размечталась – а сможет ли он забыть свою Машу и увлечься женщиной, которая очень на нее похожа? И не просто похожа, а имеет преимущество – в ней чувствуется порода.

Я «проглотила аршин» пока Эдик читал текст о шизофрении. Видимо, информация его заинтересовала. Он сдвинулся чуть в сторону, поработал «мышью» - решил продолжить чтение. Это не заняло у него много времени, всего-то минуты две, показавшиеся мне вечностью. Я бы грохнулась в обморок от нервного напряжения, но меня спас запах его туалетной воды. Я никогда не находилась от начальника так близко, никогда не знала, «чем он пахнет». Знакомый запах. Запах, сводящий с ума. Ах, если бы...

Мда, кажется, я набралась из Интернета ненужной информации. Новые знания поразили мой ум. Психушка скоро станет моим родным домом.

- Почему-то я не удивлен, - прошептал мне на ухо Шпунтов, резко выпрямился и неспешно вернулся за свой стол.

Что это значит? – задумалась я. – А то и значит, что он считает меня неадекватной... Это я-то неадекватная? Я?! Которая окончила школу с золотой медалью, университет, физфак, - с красным дипломом?! Сам ты, Эдик, дурак! Дурак-одиночка! Вот у меня есть родители, есть Ленка, а у тебя? Возможно, у Шпунтова тоже есть родители и еще... кто-нибудь. Родители точно есть, не детдомовский же он, как Мария Праздникова...

Обида на Эдика, впервые высказавшегося в язвительной манере, неожиданно легко улетучилась, уступив место производственной сосредоточенности. Я вернулась к «своим баранам». Надо доказывать, что я не дура...

Оказавшись вечером во дворе собственного дома, я первым делом начала озираться по сторонам. Не заметив в туманной сырости никого похожего на Праздникова, я смело потрусилась к подъезду.

В квартире привычно направилась к окну, не включив электричество. С завидным пристрастием изучила плохо освещенный двор, проводила взглядом людей, спешащих домой, успокоилась и занялась приготовлением ужина. От расстроенных чувств – не каждый день тебе намекают на умственные отклонения, нажарила целую сковороду картошки и с удовольствием ее умяла. Когда насадила на вилку последний кусочек, зазвонил мой мобильный. Недолго думая, я впихнула в рот картошку и сразу потянулась за телефоном, толком не разжевав, потому как кроме мамы и Ленки мне никто звонить не может, а с ними можно пренебречь этикетом, разговаривать с набитым ртом. Причем даже не поинтересовалась, кто мне звонит, вот такая я уверенная. На этот раз уверенность меня подвела.

- Ну, рассказывай, - сразу предложила я, не удосужившись поздороваться. Почему-то решила, что звонит именно Ленка, ей в очередной раз захотелось услышать мои уговоры относительно Виталика, чтобы потом заявить, что она сдалась под моим напором, а на самом деле, ей этот недоумок сто лет не нужен. Но сначала Ленка начнет на чем свет стоит поливать отца своего будущего ребенка и жаловаться на недомогание. Ленка любит жаловаться, а сейчас у нее появилась уважительная причина для жалоб. Ленка не нытик, ей хочется, чтобы ее жалели, о ней заботились. Я не отказываю ей в этом.

- И давно мы перешли с вами на «ты»? - удивился мой начальник, который за все время нашего сотрудничества звонил мне всего один раз. Он отбывал в командировку и сообщил мне, что все-таки внес коррективы в мои вычисления, хотя накануне его все устраивало и он, о чудо-чудное, меня похвалил. Похвалил без подобострастия, так, между прочим. А коррективы внес, чтобы я не зазнавалась и не придумывала себе то, чего на самом деле нет и никогда не было.

- Добрый вечер, Эдуард Васильевич, - придурковатым голосом пробормотала я, подтвердив свое умственное недоразвитие. Ко всему подавилась картошкой и закатилась кашлем.

Твердолобый Эдик терпеливо выждал, когда я откашляюсь, после чего предложил выпить воды. Я его искренне поблагодарила за совет. Идиотка. Воды выпила и осипшим голосом поинтересовалась:

- Что-то случилось? – А про себя подумала: что-то в лесу сдохло – раз он позвонил.

- Мне бы не хотелось, чтобы вы, Виктория, неправильно меня поняли.

- Вы о вашей фразе? Можете быть спокойны, я ничего... такого не подумала.
- А мне показалось, что вы...
- Что я? – не дождавшись продолжения, спросила я с неким вызовом, как будто на следующий день мне не грозила очередная встреча с этим человеком.
- Ничего, - пораскинув мозгами, с недовольством ответил он. Пожелал мне спокойной ночи и отключился.
- Ты что-нибудь понимаешь? – спросила я у самой себя.

С ответом у меня вышли затруднения.

Я неспешно вымыла посуду. Прилегла на диван, перебрала каналы на телевизионном пульте. Незаметно задремала. Проснулась в первом часу ночи. Постелила постель, и прежде чем лечь, снова изучила двор через узкую щель между двумя портьерами. Облегченно вздохнула, потянулась до хруста в суставах и спряталась с головой под теплым одеялом.

- Я в домике, - напомнила я себе шутку из детства и глупо хихикнула.

Сначала сон не шел, я опять вернулась к своей сыщицкой деятельности, по неопытности быстро запуталась и незаметно уснула...

Утром возле проходной нашего завода меня ждал сюрприз – Игнат Праздников собственной персоной. На полусогнутых ногах я двинулась к нему, другим путем мне на предприятие не попасть. Весь отрезок короткого пути я не сводила с мужчины перепуганного взгляда и жалела, что никого из моих коллег нет рядом.

Достигнув с большой неохотой Игната, я замедлила шаг. Меня очень удивило его безразличие. Сначала он вообще смотрел мимо меня, как будто выглядывал кого-то другого, потом ему пришлось обратить на меня свой равнодушный взор. И только лишь. В его взгляде не было узнавания, не было удивления, не было той радости, с которой он встретил меня поздней ночью на улице. Что же произошло? То ли Игнат понял, что обознался, то ли разыгрывал комедию? Для кого, для чего?

Или всему виною полнолуние? В ту ночь, действительно, было полнолуние, я об этом знала, потому что слежу за фазами луны, для общего развития, так сказать. В тот вечер луна решила не беречь людей своим прожекторным

сиянием и спряталась под туманным одеялом, сотканным серым темным ноябрем. Почти как я пряталась накануне под своим теплым одеяльцем.

В общем, причина прежнего воодушевления и нынешнего равнодушия Игната Праздникова мне была не ясна. Но я не успокоилась: то ли еще будет в темное время суток! Вдруг именно ночь, лунная, безлунная, без разницы, как-то влияет на этого мужчину.

Раз меня не узнали, не затронули, я воспрянула духом, прибавила шаг и скрылась за проходной. Заметив толпу людей в ожидании лифта, я вознамерилась идти пешком на свой четвертый этаж, несмотря на то, что пролеты были длинные, четвертый этаж шел за седьмой этаж жилого дома. Между вторым и третьим этажом я остановилась и невольно засмотрелась в окно, выходящее на проходную. Игнат стоял на прежнем месте. Теперь он был не один, рядом с ним стояла подруга и коллега его сбжавшей супруги, Юлиана Безуглова, первая красotka на нашем предприятии.

Я не испытываю зависти к красивым женщинам, не выясняю – кто, что, зачем – мне подробности чужой личной жизни до фонаря, но однажды Безуглова зацепила мое внимание.

Мне вспомнилась одна случайная встреча в вестибюле нашего предприятия. Я спустилась по лестнице, вывернула из-за угла и сразу увидела его и ее. Мой босс мило беседовал с Безугловой. Если бы рядом с твердолобым Эдиком стоял человек странного вида или дивный зверек, возможно, я бы не отреагировала так, как отреагировала на красивую женщину рядом с ним. Особенно меня сразило наповал его поведение. Твердолобый Эдик сначала хмуро взирал на Юлиану, но при моем появлении вдруг заулыбался во все свои тридцать два зуба. Его взгляд на красивую женщину показался мне непристойным. Юлиана что-то бойко щебетала, Эдик больше помалкивал. Я показательно отвернулась от парочки, но краем глаза заметила, как мой начальник не отказал себе в удовольствии коснуться плеча Юлианы. Изобразил ухаживание – сбросил невидимую соринку. Юлиана, чье имя я в тот момент не знала, еще шире заулыбалась ему, что окончательно вывело меня из себя.

А что собственно тогда произошло? Два человека поговорили и... договорились. Знамо, о чем. Получается, наши тетки были правы, когда говорили о любовнице, ставшей причиной раздора супругов Шпунтовых. Юлиана и есть его любовница.

Если бы я была мужчиной, то никогда бы не взяла в жены ни красавицу, ни страшилище, лучше – среднее арифметическое. А Шпунтов сначала женился на страшилище, это я о его бывшей, а теперь положил глаз на первую красавицу нашего предприятия. Из одной крайности в другую, как говорит моя мама. Да, нам, женщинам, сложно понять мужчин. Впрочем, как и им нас...

Итак, Праздников о чем-то беседовал с подругой своей сбежавшей супруги. Праздников стоял ко мне спиной. На лице Юлианы не отражалось никаких эмоций. И тут Юлиана стала от него отходить, перемещаясь к проходной, Игнату пришлось повернуться. Я заметила на его лице страдальческое выражение. Неужели страдает и переживает? Или хорошо играет роль брошенного супруга? На сумасшедшего явно непохож. И это меня успокаивает. В связи с чем можно сказать: занимайся, Вика, своими делами, не лезь в чужую жизнь.

Но как не лезть, если уже влезла?! Надо признать, последние события взбаламутили меня. Раньше жила себе и жила, ограничивала себя в общении. Всё будто бы устраивало. Рано или поздно это должно было случиться.

Или всему виною не встреча с Игнатом? Я сама захотела «к людям»? Устала жить в неведении, в груди затеплилась надежда...

Оказавшись на рабочем месте, я убедилась, что начальство пока не обрадовало нас своим приходом, схватила справочник, нашла внутренний номер телефона приемной начальника отдела кадров, и позвонила Верочке. На автомате выпалила последние новости. Вера обещала связаться с Юлианой, всё выяснить, потом перезвонить мне.

Вскоре я знала содержание разговора Безугловой и Праздникова. Оказывается, временное помутнение рассудка у Игната сменилось привычным здравым смыслом, я на это надеюсь. Игнат признался Юлиане в своей ошибке – обознался, чем напугал незнакомую девушку. Что-то на него нашло. Позже поразмыслил и понял – не Маша.

А потом Вера сообщила мне еще одну новость, облегчив мне поиски. Новость касалась близкой подруги Марии Праздниковой, Марины Лыщиной. Обе девочки воспитывались в детском доме.

Вчера вечером Игнат Праздников в очередной раз решил навестить подругу жены: вдруг у нее появились новости. Соседка сообщила, что Марина не появляется дома уже два дня. Ее домашний питомец, кот Муромец, остался

один в квартире, его жалобное мяуканье рвет соседке душу. Если Марина не появится сегодня-завтра, то придется выручать кота из неволи. Игнат взял на себя поиски Марины Лыщиной. И нашел ее в больнице скорой медицинской помощи.

Два дня назад в приемный покой поступила молодая женщина без документов. Игнат поехал в больницу и опознал Марину. Оказалось, что она угодила под колеса автомобиля, получила серьезную черепно-мозговую травму. Водитель сам доставил пострадавшую в приемный покой больницы. Оставил свои данные. Игнат отправился по его местожительству.

Водитель транспортного средства объяснил, что молодая женщина неожиданно выскочила на проезжую часть во дворе многоэтажки. Скорость авто была небольшая, получился удар небольшой силы, но Марине не повезло - неудачно упала и ударилась головой о край бордюра. Что странно – на дворе ноябрь, а девушка одета налегке, без верхней одежды, словно выскочила из квартиры на минутку. Водитель живет в этом доме с незапамятных времен, но девушку видел впервые. Всё это произошло вчера, а ДТП случилось два дня назад, в тот самый вечер, когда я была в гостях у Ленки.

После операции на головном мозге Марина находилась в коме, только сегодня утром пришла в себя, произнесла два слова и вновь отключилась. Два слова – имя и фамилия. Почему-то назвалась именем и фамилией своей детдомовской подруги, Марии Праздниковой.

Игнату сразу позвонили из полиции и попросили приехать. Новость его ошеломила. Он заявил, что в больницу угодила подруга его пропавшей супруги, Марины Лыщина. Почему она назвалась именем жены, он не знает, но может предположить, что после травмы у Марины случилась амнезия...

В этот момент я снова сильно засомневалась в умственных способностях Праздникова.

Далее Вера поведала, зачем Игнат искал встречи с Юлианой Безугловой. Оказывается, он хочет, чтобы Юлиана поехала с ним в больницу и подтвердила, что пострадавшая – это не его пропавшая жена Мария Праздникова.

Дурдом «Ромашка», - подумала я.

Юлиана обещала Игнату поехать с ним в больницу на опознание, но прежде ей нужно сделать кое-какие срочные дела по работе.

Мы с Верой «сели на чемоданы», принялись ждать сообщений от Юлианы Безугловой.

Я не могла себе позволить провести сегодняшний день в праздных размышлениях, как накануне, чтобы в очередной раз не услышать нелестных намеков из уст твердолобого Эдика, который, кстати, успел появиться, поприветствовать всех присутствующих и пригласить к себе руководителей проектов на утреннюю планерку. Я к таковым не относилась, поэтому осталась сидеть на своем месте и занялась расчетами и построением графиков.

Как не была увлечена работой, почувствовала приближение начальника, но по обычаю «не встала в позу охотничьей собаки», вообще, никак не отреагировала. Если ему что-то понадобится, то он обратится ко мне.

Эдик прошествовал мимо моего стола, оставив на столе сложенный пополам лист бумаги формата А4. Не знаю, как люди смотрят в течении отведенного времени на гранату с вырванной чекой, которую им бросили под ноги, но мне показалось, что я так же смотрела на сюрприз от босса.

Между тем босс подсел к Ядвиге Земсковой, у которой был полный завал по работе. Все сроки выполнения заказа давно вышли, а наш начальник нет чтобы ее отчитать и пригрозить, вдруг изъявил желание ей помочь, взять на себя часть непосильной ноши. Ядвига была так счастлива, что несколько не удивилась предложению, хотя, еще десять минут призналась мне, что «готова к расстрелу».

Если Ядвига не удивилась, то я едва не свалилась со стула от такой невиданной заботы. А когда начальник возвращался к своему столу, я просверлила в его спине отверстие и пожелала ему закопаться в бумагах и забыть обо мне.

Несмотря на мой убийственный взгляд, твердолобый Эдик без потерь и происшествий достиг своего рабочего места вместе с кипой бумаг, уселся на стул и исподтишка бросил на меня свой неповторимый взгляд оценщика драгоценных металлов. Я по обычаю не съежилась, не отвела глаза, сделала вид, что смотрю и не вижу – я в преддверии великого открытия. Пришлось Эдику углубиться в бумаги.

Я покосилась на сложенный пополам лист бумаги, который мне подсунул Шпунтов. Что за тайны мадридского двора?! Может, проигнорировать и заняться своими делами? Пусть ерзает на стуле от злости. Будет ли он ерзать

и злиться, я не знаю, а я точно скончаюсь во цвете лет от неудовлетворенного любопытства.

Все-таки решила приоткрыть завесу чужой тайны, проведя глупые манипуляции с рабочей тетрадью: я положила тетрадь на сюрприз от босса, выждала, осмотрелась, потом накрыла тетрадь ладонью и притянула к себе, подтащив сюрприз. Опять выждала. Взяла тетрадь в руки, раскрыла, сделала из нее ширму и, наконец, смогла утолить свое любопытство.

Сюрпризом от босса оказалась плитка шоколада.

Извиняется за вчерашнее? Или это... первый шаг...

О чем ты, Вика?! Ты его раздражаешь своей забитостью и ограниченностью. Все люди, как люди, одна ты, Тимофеева, мечтаешь о шапке-невидимке, когда Эдуард Васильевич появляется в поле твоего зрения...

Но я не дура, я справляюсь со своими обязанностями. И пусть звезд с неба не хватаю, но иногда поражаю своей сообразительностью в письменном виде, выразить четкими словами своими умные мысли в его присутствии не могу. Сбиваюсь, путаюсь от волнения. Я его боюсь. И ничего не могу с этим поделать.

Но почему этот человек, внешне приятный, умный, так меня невзлюбил? Чем вызвана его неприязнь? Я не лучше других, но и не хуже. Среднее арифметическое. Еще скажи: то, что ему надо.

В нашем отделе всего четыре особы женского пола. Две тетки далеко за сорок, и мы с Ядвигой. Ядвига девушка умная, тоже золотая медалистка, красная дипломантка, но она постоянно заваливает все сроки выполнения работ. Характер у нее такой, тормозной и мечтательный, она постоянно витает в облаках. И ей за ее полеты в облаках ничего не бывает, напротив, еще и помощь оказывают. Как сейчас. С ума сойти! Точно, в лесу что-то сдохло.

Спрятав шоколадку в верхний ящик стола, я сдержалась, чтобы не покоситься на босса. Незаметно посмотрела на себя в маленькое зеркальце, которое тоже лежало в верхнем ящике стола. Вполне себе симпатичная. Но почему-то Ядвиге оказывают знаки внимания коллеги мужского пола, а меня обходят стороной (шоколадка не в счет, это единичный случай), как будто я прокаженная. Лишь однажды ко мне подкатил новый сотрудник нашего отдела, даже намекнул на то, чтобы встретиться после работы. Но вдруг передумал. И случилось это после того, как самый болтливый из наших мужчин, Федька Мухин, пригласил нового товарища в кафе, чтобы вместе

пообедать. После обеда новенький вернулся другим человеком, отводил от меня взгляд, в потом и вовсе сослался на неотложные дела. Можно подумать, я уже дала согласие. Я ему вообще не сказала ни «да», ни «нет». Пребывала в раздумье. А если быть откровенной, то идти мне с ним никуда не хотелось. Парень мне был несимпатичен. Внешне ничего, но навязчив и самоуверен. Причем тараторит безумолку, не выношу таких...

Рабочий энтузиазм покинул меня. Собралась позвонить Верочке, но передумала: надо встать, подойти к телефону, для этого пересечь кабинет, обратить на себя внимание. Эдик обязательно оторвется от расчетов, такое было ни раз. Контроль.

Еще шоколадку подсовывает. Извиняется. Что мы, в детском саду, что ли? Тем более, вчера уже извинялся по телефону. О чем он хотел мне сказать?..

Перед самым обеденным перерывом, когда босс был занят разговором с Ядвигой, наконец-то, позвонила Вера и заговорщицки сказала:

- Надо встретиться. Буду ждать там же, где и вчера...

Мы опять сидели за столиком в нашем кафе. Вера рассказывала:

- Конечно, Юлиана не опознала в девушке с перемотанной бинтами головой Марию Праздникову. В чем лично я и не сомневалась. А то, что Марина Лыщина назвалась именем своей пропавшей подруги, это говорит только о том, что у нее случилась амнезия после черепно-мозговой травмы. Или в нашей атмосфере что-то не так, - глубокомысленно изрекла она. – Сама вспомни, что наговорил тебе Праздников! Точно, в атмосфере что-то не так. Если человек не озабочен серьезными проблемами, то и изменения в атмосфере на него никак не влияют. Возьми меня: проблемы есть, но мелкие, поэтому я никак не реагирую на...

- На перепады атмосферного давления реагируют сердечники и гипертоники, - перебила я рассуждения Веры. Меня больше волновали Игнат, его пропавшая жена и ее подруга, которая в настоящее время находилась на больничной койке.

- Не бойся, Игнат теперь занят Мариной Лыщиной, ему не до тебя, - успокоила меня Вера, приняв мое недовольство за волнение.

- Я и не боюсь. Не могу разобраться, где правда, где ложь.

- Мне хотелось бы знать, почему Марина бежала по улице без верхней одежды. Чай, не май месяц. Может, она – «ку-ку»? Или убегала от кого-то?
- Ее кто-то преследовал?
- Водитель, который ее сбил на своем автомобиле, никого во дворе не заметил.
- Что при ней было?
- Связка ключей, скорее всего, от квартиры, и мобильный телефон. Причем, сим-карта в нем новая. В памяти нет ни одного номера. И водитель проверял, и врачи в больнице. Хотели сообщить о происшествии ее родным или знакомым.
- Получается, с этого телефона Марина никому не звонила?
- Получается, что так.
- Марина живет неподалеку от места происшествия?
- Совсем в другом районе она живет, а как она оказалась в чужом дворе, да еще без теплой одежды, только в джинсах и тонком свитере, непонятно.
- Что у нее было на ногах?
- На ногах были полусапожки, - задумчиво протянула Вера, видимо, вспоминая рассказ Юлианы. - Умные мысли есть?
- Кое-что в голову пришло.
- Выкладывай!
- Когда Марина Лыщина пришла в себя, она не назвала якобы свое имя – у нее не амнезия, она не пыталась ввести кого-то в заблуждение, она хотела предупредить, что Марии Праздниковой грозит опасность.
- Если хотела предупредить, то она знает, где удерживают Марину. Вполне возможно, что обе девушки были похищены. Их удерживали силой в одной из квартир жилого дома, Марине чудом удалось сбежать. Но она оказалась под колесами автомобиля, серьезно пострадала, – недоверчиво пробормотала Вера. – Это уже не бразильский сериал с любовью, изменой, расставанием, а криминал чистой воды... Вика, что ты думаешь по поводу мобильного телефона с новой сим-картой?
- Полиция узнала, на кого он зарегистрирован?

- Они сразу проверили номер. Сим-карта приобретена в пешеходном переходе с рук, так бывает.

- Разве подобные купли-продажи не запрещены законом? - удивилась я.

- Вика, ты как будто только на свет народилась, - с недовольством пробурчала Вера.

- Да, телефон осложняет дело. Если Марина убежала от бандитов налегке, откуда у нее взялся мобильный телефон? Если все время был при ней, то почему не позвонила в полицию?

Я подперла кулаками подбородок и принялась ждать ответа от Веры. О еде мы давно забыли.

– Вика, кажется, я понимаю, куда ты клонишь. Неужели Марина была заодно с бандитами? Я в шоке! Как же такое возможно?! Вместе выросли в детском доме, дружили и все такое.

Я сложила брови домиком: ничего подобного я не думала. Вера вдохновилась моей молчаливой поддержкой и удивленным восхищением ее способностями и продолжила более уверенно:

- А почему я говорю о бандитах во множественном числе?! Похитителем является любовник Маши. Он... и Марина, которая тоже была его любовницей, разработали целую операцию. Маша, прихватив с собой деньги и цапки, должна была сбежать от мужа с любовником. Они не уехали из города. Жили на съемной квартире, а потом... Вика, неужели эти двое, Марина и любовник, расправились с Машей?!

- Тише ты, на нас все внимания обращают, - шикнула я.

- Плевать, - отмахнулась Вера. - Лично мне все ясно. После убийства Маши ее любовник решил избавиться и от Марины, которая может его шантажировать. Или делиться не захотел.

- Допустим так все и было. Вероятно, Марина Лыщина догадалась, что ей уготована участь Маши, и сбежала. Сбежала налегке, чтобы любовник ничего не заподозрил. Марина так спешила, что не заметила движущегося по проезжей части автомобиля.

- А телефон?

- Дался тебе этот телефон! – огрызнулась я, злясь больше на себя, чем на Веру. Ответа я не знала.

- Жаль Машку.
- Может, она еще жива.
- Вика, ты в это веришь?
- А вот верю! – оживилась я, - и причина в пресловутом мобильном телефоне. Вот смотри, в руках Марины был мобильный телефон. Зачем он ей?
- Чтобы звонить, - резонно заметила Вера.
- Кому звонить?
- В полицию.
- Мобильный с новой сим-картой, ни на кого не зарегистрированной, преступникам был нужен для торга с мужем Марии Праздниковой, с Игнатом. Игнат на слово бы им не поверил, потребовал бы Машу к телефону.
- Мне не нравится версия с участием Марины Лыщиной, - призналась Вера.
- Мне тоже, но других идей в голове нет. Факты на лицо.
- И все-таки, Марина не при делах. Она тоже жертва преступника, - заупрямилась Вера. - Не стоит забывать, что обе девушки выросли в детском доме. Там друзья больше, чем друзья, больше, чем родные люди.
- Других версий у меня нет, - развела я руками.
- Что-то есть перехотелось, - отодвигая от себя тарелку, призналась Верочка.
- Откуда взяться аппетиту, - вздохнула я.
- Делаааа.
- А скажи-ка мне, Верочка, где произошел наезд на Марину Лыщину?

Вера явно хотела поинтересоваться, зачем мне нужны уточнения, но не стала отвечать вопросом на вопрос, просто назвала адрес. И что самое удивительное – место ДТП находилось совсем близко от нашего предприятия.

Я бы с удовольствием рванула туда, побродила, поискала улики, как это делают в детективных фильмах, но меня ждала моя работа, которую я люблю. Если бы сменился начальник, то вообще было бы прекрасно. Его присутствие меня сильно напрягает и отвлекает от работы...

Я пренебрегла лифтом и снова пошла пешком на четвертый этаж. На моем «любимом» пролете, между вторым и третьим этажом, возле окна, стоял мой начальник и явно кого-то поджидал. Мне привычно захотелось стать невидимкой. Увы.

- Виктория, мне нужно с вами поговорить, - внятно и тихо произнес Эдуард Васильевич, когда я поравнялась с ним.

- С... сейчас? – со свистом спросила я.

- Сейчас. – Он указал мне путь рукой, вверх по лестнице. Можно подумать я дошла до крайней, минимальной, точки своего умственного развития и стала забывать очевидные вещи. Я безмолвно двинулась по указанному пути, Эдик потянулся за мной чуть сзади.

- Конспирация? – не сдержалась я.

- Если вы думаете, что я... боюсь сплетен, то вы глубоко ошибаетесь. Мне все равно.

- У вас такая чистая репутация, что ее можно слегка испачкать, - процитировала я чужие слова, вложив в них все свое презрение. Я никогда не вела себя так с твердолобым Эдиком. Едва он обращал на меня свой взор, или обращался ко мне, я трепетала, как осиновый лист. Как будто он был моим мужем-садистом, а я его бессловесной женой, закрепощенной женщиной Востока.

Эдик кивнул, согласился, что его безупречную (ха-ха!) репутацию можно испачкать.

- Спасибо за шоколад, - запоздало поблагодарила я, слегка повернув голову в его сторону, чтобы он услышал. – Беспокоитесь за мою сообразительность? – Я постучала указательным пальцем по своей голове. – Сладкое способствует работе мозга.

Эдуард перемахнул через две ступеньки, пошел рядом со мной. И не просто рядом, а прихватил меня под локоток.

- Эдуард Васильевич, это уже перебор, – ненатурально-дребезжащим голосом произнесла я, виною было нахлынувшее волнение, которое совсем не походило на прежнее волнение, постоянно испытываемое мною в его присутствии.

Эдик руки не убрал.

- Вика, вы и правда ничего не замечаете? - напряженным голосом спросил он, словно от моего ответа зависит его судьба.

У меня появилось острое желание поискать подарок-сюрприз, который для меня приготовил сопровождающий меня мужчина. Причем повел он себя не традиционно – не вручил подарок со словами: «Это тебе», а куда-то его запрятал. Сейчас начнется игра в «горячо-холодно».

Не знаю, с чего я взяла, что Эдуард Васильевич решил меня удивить – как нетрадиционным вручением, так и вообще подарком. Он имел ввиду что-то другое, никаких сюрпризов. Никаких игр. Всё серьезно. И от этой серьезности мне дурно. А от дурноты я тупею. А так хочется блеснуть красноречием, сразить его наповал. Он удивится моему превращению, увидит заново, поймет... Ведь я лучше, чем его бывшая, чем красавица Юлиана Безуглова. Я - то, что ему надо. А мне-то как нужен он! Он один, никто другой.

Разучилась говорить. Но я должна что-то ответить. Вика, не молчи, не будь дурой.

- А что я должна замечать? – охрипшим голосом спросила я, с трудом держа себя «на плаву».

- Виктория, я... Однако всё очень странно и подозрительно, - недоговорив первую фразу, заявил он, осудительно качнув головой.

- В смысле? - нахмурилась я.

- Вы поступаете так намеренно, чтобы дело не зашло слишком далеко, или причина иная?

- Эдуард Васильевич, я вас сегодня не узнаю. Вы всегда четко выражаете свою мысль. Что-то случилось? Вы чем-то взволнованы?

- Вашим присутствием.

Сначала я остановилась, сопровождающий, как по приказу, тоже остановился. Я боялась поднять на него глаза, но чувствовала его пристальный взгляд. Ничего не оставалось делать, как продолжить подъем по лестнице. Не стоять же столбом! И высвободиться от его руки я не могла, и идти с таким учтивым сопровождением мне было неловко. Как назло, лестница была пуста, народ куда-то исчез, не спешил занять свои рабочие места - до окончания обеденного перерыва оставалось еще пятнадцать минут. Получается, Шпунтов специально поджидал меня на лестнице, чтобы поговорить. О чем он собрался со мной говорить? Пока темнит. Неужели

хочет... Не мечтай! Он хочет дать мне понять, что я не соответствую занимаемой должности? Уволить он меня не может, но и терпеть более не намерен. Сейчас предложит написать заявление по собственному... А я-то, дура набитая, решила, что он... ко мне со всей своей душой, а он... мягко стелет, но падать все равно будет больно. Мне – больно, ему-то что. Допустим, я найду другую работу, но... его-то там не будет... Неужели я это сказала, пусть мысленно? Пусть мысленно, но сказала же! Нет-нет, мне он совсем-совсем не нравится. Я с трудом его терплю и от его прикосновений меня... тошнит. Мне так плохо, что могу потерять сознание. Прямо сейчас грохнусь в обморок. Не грохнусь – он мне не даст, поддержит. Хорошо-то буду я выглядеть со стороны! Кисейная барышня из прошлых веков – чуть что, сразу брык и в обморок... А если я потеряю сознание, что он будет делать? Подхватит и прижмет к себе?

У меня перехватило дыхание и бросило в жар.

Я так увлеклась своими размышлениями, что совсем упустила то, о чем мне толкует мой начальник. А он что-то рассуждал о свете и тьме. Хорошо, что он не видит моего обалдевшего лица с кругами румянца. О чем это он? Что он свет, в смысле – светоч, а его – тьма, неуч. У меня голова пошла кругом. Я устала ползти по лестнице, как черепаха, мне надоело чувствовать себя недоразвитым существом, у которого напрочь отсутствует понимание происходящего.

Может быть, я действительно живу во тьме? Из-за этой темноты путаю хороших и плохих людей, многого не понимаю? Что именно я не понимаю? И зачем выключила свет? Я делаю это намеренно.

Этот человек плохой, решаю я в темноте: в темноте легче принять самообман. Он плохой и точка. Раз плохой, то он мне не нужен. Так мне легче справиться... со своей проблемой.

Он недосягаем. И я это осознаю. Если между нами ничего и никогда не может быть, то лучше погрузиться во тьму, назвать человека недостойным, прибавить еще какие-то отрицательные черты и жить дальше в ожидании полного разочарования.

А если щелкнуть выключателем? А? Если включить свет?

Боязно. Включишь и поймешь, что ничего не изменилось. Ты для него пустое место. Была и будешь.

Нет, уж лучше жить в темноте. Жить, накручивать себя – отрезвлять.

Вот когда поймешь – излечилась, тогда включай свет, на здоровье. Тебе все равно, что он тебе говорит, как смотрит, что о тебе думает. Не обидно.

Пока рано, пока не готова.

Когда будет можно? Как я это пойму? Сердце вернется к обычному ритму? Я перестану в присутствии этого человека дрожать, как осиновый лист? Перестану жить под выдуманным прицелом?

Наберись смелости, Тимофеева, включи свет и пойми – изменилось ли что-то в его отношении к тебе? В темноте, на ощупь, сложно разобраться, тем более, когда ты он говорит завуалированно, а ты вообще молчишь...

- Виктория, вы меня совсем не слушаете, - донесся до меня откуда-то издали знакомый голос, который всегда заставляет меня задержаться в темноте.

Да, я женщина, которая живет в темноте, женщина, которая боится потерять последнюю надежду...

- Вы меня извините, Эдуард Васильевич, но я устала от ваших хождений кругами. Говорите прямо и... разойдемся.

- Виктория... Вика, все коллеги давно уже догадались, что я... что я к вам равнодушен.

- Вы? Ко мне?

- А что вас удивляет?

- Нет, ничего. Значит, равнодушны, - сдерживая рвущееся наружу ликование, пробубнила я. Кажется, эмоции остались при мне. – И давно вы ко мне... равнодушны?

- Вам нужны числа, даты, пароли? – усмехнулся Шпунтов. У него, оказывается, есть чувство юмора.

- Да, в принципе мне... сроки не важны.

- Проверку временем мое чувство уже прошло, - огорошил он меня.

- А ваша жена? – задала я совсем глупый вопрос.

- Я откровенно признался во всем жене и сказал, что разлюбил ее, больше не хочу ее обманывать.

- Вы развелись с женой пять лет назад, - напомнила я.

- Три года, - уточнил Эдуард. – И три года я прикидывал, как мне к вам подступиться. Вы же не девушка, вы скала. Гранитная скала.

- А вы... а вы... самодур, - задохнулась я от возмущения. Еще хорошо, что не перешла на крик, перешла на змеиное шипение.

Эдуард Васильевич несколько не обиделся. Так же шел рядом, так же держал меня под локоток. И продолжил, как ни в чем ни бывало:

- А вчера я заметил... наконец заметил слабый интерес ко мне. Подошел к вашему столу, увидел, чем вы увлечены и подумал, что вы меня любите, любите давно и не надеетесь на взаимность, и поэтому... от душевных переживаний... решили... Что-то я не то говорю.

- Совсем не то, - засопела я возмущенно. Кажется, мы два сапога пара.

- И вчера, когда к вам подошел, ляпнул совсем не то. Позвонил вечером, чтобы... объясниться. Но не решился. Я, знаете ли, совсем не умею ухаживать за девушками. И за женой не ухаживал. Мы вместе учились в университете, у нас были общие интересы. Так незаметно и дошли до загса. Так бы и прожили всю жизнь рядом и врозь... Вика, мне не нужно было затевать этот разговор? – спросил Шпунтов. – Я для вас стар и вообще...

- Это хорошо, что вы мне признались, а то я чувствовала себя... непонятно кем. То ли душой по жизни – все что-то знают, одна я не догадываюсь, то ли тупицей – постоянно получаю нагоняй от начальства, чаще без видимой причины, то ли незрячей или живущей в постоянной темноте...

- По собственному желанию, - продолжил за меня мой начальник. – Да будет свет! – одарив меня обворожительной улыбкой, возликовал он.

- Да будет свет, - неуверенно повторила за ним я и подумала, - еще минута, и я умру от счастья.

- Вика, у вас необыкновенная улыбка! Вы улыбаетесь, и хочется улыбаться в ответ.

- Я раскрепостилась, но еще не совсем. Мне надо привыкнуть жить при свете.

- К хорошему быстро привыкаешь.

- Я не хочу привыкать. Хочу жить, радоваться и удивляться. Открывать для себя что-то новое.

- Виктория, не считите меня назойливым, но мы могли бы вечером куда-нибудь вместе пойти? Куда угодно, мне все равно. Я не буду настаивать, если вы откажитесь.

- Мое отношение к вам вас не интересует? Вам главное, что вы... испытывали к женщине какое-то чувство?

- Не какое-то чувство, а любовь, - без всякого пафоса уточнил Шпунтов. – Вика, я вас люблю. Возможно, вы ко мне равнодушны, скорее всего, равнодушны, но хочется верить, что вы не испытываете ко мне ненависти...

- Еще скажите – я сделаю все, чтобы вы меня полюбили!

- А надо? – огорошил он меня больше, чем признанием. – Вика, вы согласились включить свет, и этим дали мне надежду: я сделаю всё, чтобы вы меня разглядели. Так вы согласны провести со мной вечер?

- Эдуард Васильевич, я... вам не отказываю, но сегодня у меня есть одно важное дело, отложить никак нельзя. – Собралась с духом и протараторила, - мне не безразлично ваше предложение. Совсем не безразлично, даже напротив лестно. Признаюсь, неожиданно и от того... я сильно волнуюсь.

Кажется, меня понесло, - вовремя подумала я, отдышалась, потому как устала от торопливой речи, и, вложив все чувства, доселе неведанные, призналась:

- Мне тоже хочется с вами познакомиться заново. Но у меня, действительно, есть одно важное дело, которое я запланировала заранее, – при этом скривилась, дав понять, что запланированное дело мне в тягость.

- Я могу чем-нибудь помочь? – подобрался сообразительный Шпунтов

Я призадумалась – почему бы и нет?

- Возможно мне понадобится ваш совет или помощь. Но прежде я должна обрисовать вам создавшуюся ситуацию...

Мы продолжили разговор в помещении нашего отдела, присев за чайный столик. Но прежде наше появление шокировало сотрудников. Однако они быстро справились с шоком и показательно отвернулись. За чаем я поведала своему потенциальному помощнику и советчику обо всех событиях, начав, что естественно, со встречи в ночи с Игнатом Праздниковым.

Эдуард слушал меня внимательно, задавал уточняющие вопросы. Я боялась, что он начнет подтрунивать надо мной или примется уговаривать оставить

затею, но он повел себя так, как и я рассчитывала – выслушал и принялся рассуждать. А я сидела с остолбенелым видом и по-идиотски пялилась на Эдуарда, на маленькую родинку над губой, на ямочку на подбородке. Он был необычайно хорош собой в этот миг. Не мужчина, а мечта женщины, которая ценит в мужчинах не толщину кошелка, не внешний лоск, а ум и не занудную рассудительность.

Шпунтов быстро расставил всё по своим местам. И сказал, что НАМ необходимо предпринять в первую очередь, а именно, посетить больницу скорой медицинской помощи, куда угодила Марина Лыщина.

- Но Марина Лыщина, насколько я знаю, пока не пришла в себя, - повторила я, судорожно пытаюсь разгадать ход чужих мыслей.

Мне невдомек, какой диагноз мне вынес Эдуард после опрометчивого напоминания, благо он промолчал. Коснувшись моей руки, просто, без театрального вдохновения, признался:

- Ради вас, Вика, я готов на противоправные действия.

- Вы меня пугаете, Эдуард Васильевич, - пробормотала я, выдержав паузу, при этом не сводила взгляда с его руки, лежащей на моей руке...

После работы мы отправились в больницу на автомобиле Шпунтова.

Эдуард оставил меня в вестибюле, а сам пошел «на разведку», сообщив мне об этом пугающим шепотом во время натягивания на ноги бахил. Предусмотрительный человек – про бахилы не забыл. Интересно, откуда они взялись. Наверное, хранит бахилы и другие нужно-не нужные предметы в ящике своего необъятного рабочего стола.

О чем я думаю?! Разве об этом я должна думать?! Я должна думать... не о чужих судьбах, а о своей судьбе. Но именно о своей судьбе я думать поостереглась: начну мечтать, стоить планы, а потом всё превратится в прах. Так всегда бывает, если опережаешь события, начинаешь выстраивать цепочку жизни в новом направлении на самом начальном этапе, когда и направление-то толком неизвестно. Пусть все идет своим чередом, пусть инициатива исходит от мужчины. Я не буду торопиться.

Мое волнение за мужчину, который «пошел на разведку», не успело достигнуть максимальной точки, но я успела перебрать в уме все возможные варианты его противоправных действий, тут и Эдуард появился в вестибюле.

Быстрым шагом приблизился ко мне, взял за руку, как маленькую девочку, и потянул за собой на улицу. Все переживания последних дней переключались в мою правую руку, а потом, как будто, передались мужчине. Но я не превратилась в тряпичную безэмоциональную куклу, измотанную до предела и передавшую «на хранение» свои проблемы. На смену переживаниям тут же пришли волнения другого характера, приятные, бередящие мою девичью душу.

О чем я думаю в настоящий момент? – привычно осаждала я себя, едва поспевая за мужчиной. - Тоже мне, нашла время для душевных радостей!

А как не радоваться! Я давно хотела признаться Эдику, что люблю его. Люблю с той самой минуты, когда пришла в отдел. Увидела его, и... все мужчины перестали для меня существовать. Я стала гранитной скалой. Увы, и для него тоже. Переборщила.

Боже, как я радовалась новости – Эдик развелся с женой! Путь свободен. И тут другая новость – у него есть любовница! Мне хотелось найти эту любовницу и размазать ее по стенке. Я, девочка из интеллигентной семьи, готова была биться за свое счастье. Но биться при условии – сражение за него необходимо не только мне, но и ему тоже - он выделяет меня из всех женщин, у меня есть надежда... Где там. Он смотрел на меня ничего не выражающими глазами. Свет потух. Электричество кончилось. Лучше так. Так легче пережить расставание с надеждой.

Слишком быстро я сложила лапки...

- Куда мы едем, Эдуард Васильевич? – спросила я бодрым голосом, оказавшись в салоне автомобиля. Мой голос походил на голос киношного Шурика, который «принял на грудь» стакан вина, осмелел и готов записывать следующие тосты.

- Вне работы я для тебя Эдуард, можно Эдик, и прошу - на «ты». А едем мы, милая моя, к тому дому, где произошел наезд на Марину Лыщину.

- И что вы... ты хочешь там найти? – не без труда перешла я на дружеский тон.

- Не что, а кого! Марию Праздникову!

- Каким же образом ты ее найдешь?

- С помощью вот этих ключиков! – Эдик вытащил из кармана куртки связку ключей и позвенел ею.

- Это ключи, которые были у Марины?
- Они родимые.
- Но как...
- Лучше тебе этого не знать.
- Ты опасный человек, Эдуард.
- Это я еще не полностью раскрылся.
- Мне уже страшно...

На месте Эдик быстро оценил обстановку и заявил:

- Думаю, Марина Лыщина выскочила из-за этих кустов. Листвы уже нет, но кусты густые, тем более происшествие произошло поздним вечером. Могу предположить, что девушка выбежала из ближайшего подъезда. Сейчас мы проверим.

Шпунтов покрутил в руках связку ключей, выбрал ключ от домофона и приложил выбранный ключ к пятаку. Раздался зуммер открывающейся двери. Эдик взглянул на меня победоносно.

- Это ничего еще не значит, - осадил я его, но улыбку подарила.

Потом началось визуальное изучение замочных скважин и сличение с имеющимися двумя ключами. Кое-какие замочные скважины казались Эдику идентичными. Но прежде чем дерзко приступить к вскрытию, он звонил в дверь. Нам открывали хозяева, мы заявляли, что ошиблись дверью и извинялись. Так мы дошли до четвертого этажа. Эдик остановился у крайней двери справа, присел на корточки, ахнул и сообщил мне шепотом:

- То, что надо, без сомнения.
- Ты в прошлой жизни был взломщиком?
- Кем я только не был, - усмехнулся он. – Ну, что, я звоню?

Я его опередила и позвонила. Нам не спешили открывать дверь.

- Эдик, что-то мне тревожно. Вдруг у людей, которые похитили Машу, есть огнестрельное оружие, а мы пришли с пустыми руками.
- Допустим, у тебя есть оружие, ты могла бы выстрелить в человека?

Я отрицательно покачала головой и спросила:

- А ты?

- Если бы тебе грозила опасность, то смог, не раздумывая...

После звонка в дверь, мы наострили уши, желая услышать малейшее движение в квартире.

- Кажется, никого нет дома, - трагическим шепотом произнесла я.

- Или нам не хотят открывать.

Я не удержалась и приложила ухо к двери.

- Ничего не слышно, - сообщила я.

- Ну, тогда я начинаю вторжение на чужую территорию.

- Эдик, может быть, не надо?

- Надо, Вика, надо. – С этими словами Шпунтов вставил ключ в замочную скважину. Пошурудил туда-сюда и прошептал, - верхний замок уже был открыт. Не стал проверять нижний замок, надавил на дверную ручку. Дверь открылась.

Мы затаились. Потом Эдик приказал мне оставаться на месте, а сам проник в квартиру. Я хотела двинуть за ним, но он оглянулся и ткнул пальцем в то место, где я должна стоять.

Он исчез из вида, а я оценила прихожую. Довольно запущенная. Трюмо. На полке связка ключей. Еще одна. Я присмотрелась. Похоже это ключи от автомобиля.

В прихожую выскочил ошарашенный Эдик и сказал:

- Вика, вызывай «Скорую»!

Я на ходу занялась своим мобильным, проникла в единственную имеющуюся комнату и увидела следующую картину.

Эдуард Шпунтов освобождал от пут Марию Праздникову. Я ее сразу узнала, хотя, выглядела она ужасно. На ее щеке болтался обрывок скотча. Наверное, Эдик успел освободить ей рот, но впопыхах оставил скотч на щеке.

- Она жива? – дребезжащим от испуга голосом спросила я.

- Жива, но без сознания.

Эдик, наконец, освободил Машу, перенес ее на диван и посоветовал мне найти аптечку. Сам набрал в рот воды и прыснул на пострадавшую.

Неожиданно быстро она открыла затуманенные глаза. Эдик поднес к ее рту стакан с водой. Часть воды текла по подбородку, стекала по шее и убегала струйкой на диван.

- Вы кто? – хриплым голосом спросила Мария.

- Твои спасители, - ответил Шпунтов.

- Кажется, я вас где-то видела, - приглядевшись к мужчине, сказала Праздникова. На меня она не смотрела.

- Сейчас приедут врачи, вам окажут помощь. Все будет хорошо.

- Ничего хорошего уже не будет, - всхлипнула Мария...

На следующий день мы с Эдуардом пришли в больницу навестить Машу. Рядом с ее кроватью на стуле сидел Игнат Праздников. Он что-то говорил жене, одной рукой гладил ее по голове, другой рукой сжимал ее руку.

- О, мои спасители пришли! – воскликнула Маша, первой заметив нас.

Игнат принялся нас благодарить. Пристально взглянул на меня и поинтересовался:

- Мы с вами нигде не встречались?

- Не думаю, - ответила я, поспешно отвернувшись от Игната и поставила на прикроватную тумбочку пакет с фруктами.

Эдик не стал расшаркиваться, а сразу решил взять быка за рога:

- Мария, мы можем узнать, что с вами случилось?

- Я вас на время оставляю, - пробормотал Игнат, - эту историю я уже слышал. – В его голосе сквозило осуждение. Он хотел еще что-то сказать, но ограничился поцелуем с супругой, после чего покинул больничную палату.

- Что с Мариной? Игнат сказал, что она находится в состоянии искусственной комы?

- Врачи дают благоприятный прогноз, но должно пройти время, - сообщил Шпунтов, усаживая меня на стул, который до этого занимал Праздников. Сам остался стоять.

- Наверное, вы уже знаете мою печальную историю... Я безумно влюбилась в красивого мальчика. Потеряла голову. Ушла от мужа. Мы с любовником

покинули город в поисках новой счастливой жизни. Недолго музыка играла... Он меня обчистил и сбежал. Я осталась ни с чем. На попутках вернулась в город, пришла к подруге, к Маринке. Хотела прийти в себя, подумать, как мне жить дальше. Маринка нашла выход, она всегда была выдумщицей. Вот и предложила... разжалобить мужа.

- Это как же? – не поняла я.

- Маринка сняла квартиру. Мы хотели все представить так, как будто любовник меня похитил, никуда я с ним не уезжала... Игнату должны были позвонить и потребовать за меня выкуп. Естественно, звонить Игнату должна была Маринка, изменив голос. Игнат обязательно бы приехал по указанному адресу, увидел бы меня связанную и... простил. Глупо, конечно, но я согласилась на план Маринки.

- А потом все пошло не по плану, - выдал сообразительный Эдик.

- Кто бы мог предположить, что все так выйдет. Маринка предложила отрепетировать сцену. Примотала меня к стулу скотчем. Заклеила рот. Взлохматила волосы для правдоподобности. И сказала, что ей все нравится. И решила слегка скорректировать план: загорелась меня сфоткать на мобильник, чтобы фото переслать Игнату. Маринка заранее купила новую сим-карту, чтобы следы запутать. И вот снимает она меня на телефон, а в этот момент срабатывает сигнализация на ее автомобиле. На днях сбылась Маринкина заветная мечта – она взяла в банке кредит и купила машину. В общем, сработала сигнализация, Маринка сорвалась с места, ничего мне не сказав. Я сижу связанная и с заклеенным скотчем ртом, жду ее возвращения, слушаю верещание автомобиля. Наверное, подруга перепутала ключи, вместо автомобильных в спешке прихватила ключи от квартиры. Терпеливые соседи – никто не вызвал полицию, сигнализация долго вопила, потом смолкла. Сначала я не волновалась, думала, Маринкин автомобиль пострадал, подруга решает проблему с владельцем другого автомобиля. Потом до меня дошло – что-то произошло с подругой, иначе она бы давно вернулась. Я поревела из жалости к себе, а поревев, успокоилась и решила бороться за свое освобождение. Но где там, разве от таких пут освободишься? И рот заклеен, на помощь не позовешь... Потом потеряла счет времени. Если бы не вы...

- Хорошо то, что хорошо кончается, - подбодрила я Машу.

- Игнат – добрейшей души человек. Он меня простил, - с чувством призналась она.

- Он вас любит. Это заметно...

Покинув больничную палату, мы с Эдуардом молча вышли на улицу, молча сели в его машину. Он не спешил запускать двигатель. Отчего-то я ощущала неловкость, как будто это я сбежала от своего любящего мужа Эдуарда. Он меня нашел, вернул домой, простил, но я себя не простила.

- Эдуард, я...

- Вика, я тебя люблю, - твердо сказал Шпунтов, не выслушав продолжения.

Как всегда, я огорошила его своим рассуждением:

- Если мужчина любит женщину, он готов ей простить... почти все.

- Ты что-то сотворила? – хмыкнул Эдуард.

- Да, - брякнула я, сильно тряхнув головой, даже зубы клацнули в результате соприкосновения подбородка с грудью.

Эдуард вскинул брови, выказав крайнюю степень удивления. Наводящего вопроса не задал, терпеливо ждал продолжения. В глазах затаился легкий испуг: он надеялся, что мое полупризнание обернется шуткой, и одновременно не мог понять, чего ждать от этой женщины. Судя по серьезному виду, шуткой здесь и не пахнет.

Честно признаюсь, мне нравилось наблюдать за его состоянием. Не все же мне трястись перед ним осиновым листом.

Все-таки женщины не могут обойтись без мести. Даже я, совершенно неопытная в вопросах любовных отношений, тихоня из тихонь, покладистая из покладистых, скромнейшая из скромнейших, и то не могу обойтись без коварства.

Но где коварство, там и любовь. Где любовь, там и коварство, там и мгновенное перевоплощение...

Эдик терялся в догадках.

- Я хочу признаться, - выдохнула я. – Я сожалею, что...

- Что? – напрягся мужчина. – Ты сожалеешь, что не сможешь меня полюбить?

- Я сожалею, что потеряно несколько лет жизни. Три года прошло впустую.

Эдуард затаился, с недоверием поглядывая на меня, затем облегченно выдохнул и признался:

- Вина полностью лежит на меня. Я вел себя неправильно. Но как правильно – не знал. Сразу взять и признаться? Но ты бы мне не поверила. Сочла мое признание за издевательство. Не так?

- Не знаю, - подумав, ответила я. – Но точно могу сказать, что искренне благодарна Игнату Праздникову, благодаря которому гранитная скала дала трещину, а дальнейший раскол произошел благодаря другому человеку, которого я давно... люблю... Не смотри на меня, как на ожившую Царевну! Скажи хотя бы что-нибудь!

- Викуша, выходи за меня замуж.

В этот момент зазвонил мой мобильник.

- Эдик, я должна ответить, это моя подруга, она беременна, вдруг что-то случилось... Да, Лена! У тебя все хорошо?

- Подруга, я выхожу замуж за Виталика! – сообщила мне Ленка. - Ты была права – у ребенка должен быть отец!

- Только поэтому ты выходишь замуж за Виталика?

- Нет, конечно! Я его, дурака эдакого, люблю!

- Кто бы сомневался, - хмыкнула я.

- Вика, у тебя такой голос, как будто ты не рада за меня.

- Рада я, рада. И за себя очень рада.

- Я чего-то не знаю?

- Ленка, я выхожу замуж за мужчину, которого люблю много-много лет!

- Ну ты и тихоня, Тимофеева!

- Да будет свет! – брякнула я. Представляю, что подумала обо мне Ленка. Но мне, в принципе, все равно: свои люди, разберемся...

Январь 2018г.